

Анастасия Вихарева

АРМАГЕДЕЦ

или

валькирия & горгулья

16+

Анастасия Вихарева

**Армагеддец, или
Валькирия & горгулья**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вихарева А.

Армагеддец, или Валькирия & горгулья / А. Вихарева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07636-5

Горгулья, усевшись напротив, терпеливо ждала, когда закончатся мои душевные терзания по поводу неправильно выбранного места для прогулки. "А вы... простите... кто?" — наконец, выдавила я. "Крестная фея... Упс, волшебную палочку посеяла, — взглянула на брошенное копьё и передумала за ним спускаться. Вскарабкалась к пробоине, юркнула внутрь, выглянула, поманив длинными пальцами с острыми когтями. — Лезь сюда! — И, видя мою нерешительность, добродушно добавила: — Ты ж хотела замок посмотреть? Смотри! С туристами тут напряг, последний век вообще провальный, от скуки можно сдохнуть".

ISBN 978-5-532-07636-5

© Вихарева А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1

Первое, что я осознаю – густая крошечная тьма, как будто мир заканчивается где-то в паре метров над головой. Я словно попала в царство вечной ночи – затхлой, без единого дуновения, опустившаяся над этим местом пологом мрака.

И, кажется, я оглохла. Ни единого звука не доносится до моих ушей, только отчаянно бьющееся в груди сердце сотрясает ударами тело. По спине ползет липкий страх, накатывает волнами, заставляя леденеть в жилах кровь. Хочется сжаться, спрятаться, исчезнуть, чтобы живой морок потерял меня из виду многотысячными невидимыми глазами, но я чувствую, что это невозможно. Я как светлячок, призрачный, но достаточно яркий источник света, притягивающий взгляд ощеренного мрака.

А еще я отлично вижу очертания предметов на расстоянии три – пять метров, а дальше все тонет в непроницаемой апокалиптической тьме. И это так странно.

Я смутно помню, что была здесь. Не по своей воле.

Не могу сказать откуда, но я знаю, что справа от меня открытая площадка. Может, поле, может, луг, спускающийся покато к реке, которая впадает в большое озеро. Слева – опаленные огнем, как и все здесь, деревья. И мне почему-то видятся дубровник с раскидистыми дубами на синем и сиреневом ковре, как будто я была здесь при свете солнца, но последнее видение: голые ветви, как старческие высохшие руки, поднятые к небу, и охватившее их пламя с кишащими угрожающими тенями.

А еще знаю, если перейти поле и спуститься вниз, будет дорога, ведущая к мосту. За мостом огромный замок, словно корона, венчающий самую высокую гору горного хребта. В памяти вспыхивают видения – нечеткие, обрывистые, исчезающие, как только пытаешься зафиксировать их в сознании.

Просто знаю. *Déjà vu.*

И это пугает еще больше.

Осторожно ступаю вперед.

Хруст.

Кости.

Мертвецов здесь сотни, тысячи. Голые, полусгнившие, только начавшие разлагаться. Рассеченные тела, отрубленные головы, вывалившиеся внутренности – и кровь. Местами она так и не впиталась в землю, застыв натекшими лужицами. В темноте она кажется черной и маслянистой. А еще трупы, не подверженные тлению, рядом с гниющими мертвецами. Гигантские летучие мыши, единороги, двурогие крылатые кони, твари, похожие на огромных волков, крылатые и бескрылые ящеры... И люди. Отличные от тех, кого мне привычно называть людьми. Хорошо сложенные великаны, коренастые коротышки, среднерослые суровые качки с грубыми чертами и формами, тонкокостные красавцы. Женщин с крыльями. С белыми крыльями.

Многие мертвецы как будто спят, дожидаясь пробуждения, но тела их не дышат, не дрожат веки, глаза, устремленные в небо, безжизненны и пусты. И только я могу нарушить их вечный покой – щупая пульс, оттаскивая впившегося острыми зубами в шею гниющий труп.

И каменные крылатые статуи, не то людей в зверином облике, не то животных, похожих на людей – с кристаллами драгоценных камней вместо глаз. Кому понадобились статуи посреди сражения? Каменные изваяния смотрятся здесь нелепо и неуместно, будто их сбросили с неба. Некоторые расколоты. Мне приходит на ум, что мертвецы пытались украсть эти статуи, воров настигли – и завязалась кровавая битва.

Да, я уже была здесь, сотни раз бродила, исследуя местность, углубляясь все дальше от того камня, возле которого обнаруживаю себя снова и снова. Я могу бродить здесь часами, как будто попадаю в какую-то ловушку.

Уф, я во сне! Сразу становится легче, я начинаю успокаиваться. Паника, заполнившая душу, отступает.

Этот сон снится мне, сколько я себя помню. Кто-то летает, кто-то падает, а мне снится ночь с мертвецами и страшное побоище, в котором нет ни выживших, ни победителей – все они достались царству мрачной и бесконечной Ночи, как будто сама Смерть решила до скончания времен увековечить бесславный конец воюющих.

В детстве, когда я оказывалась здесь, меня охватывал животный ужас. Я боялась заснуть, молилась, чтобы Бог не наказывал меня этим сном. Повзрослев, научилась понимать, что я во сне, и отчаянно пыталась проснуться. Потом долго тренировалась запоминать детали прежних попаданий, заранее планировала действия, училась исполнять задуманное.

Сейчас меня тянет сюда. Засыпая, я загадываю оказаться здесь, словно что-то связывает меня с этим местом.

Я хочу разгадать, зачем я здесь.

Иногда мне кажется, что я должна непременно попасть в замок, как будто кто-то ждет меня там. И много раз подходила к полуразрушенному мосту над водопадом, но каждый раз натыкалась на невидимый барьер и просыпалась. И снова верила, что сон – это только под-сказка, и где-то есть тот, кому я нужна, искала и ждала, всматривалась в лица.

Это место – как матрица моей жизни, такой же закрытой, пугающей, проклятой. Да, про-клятой. Только перед смертью мать осознала, что я ей не родная. Первенца она носила, когда ей было тридцать два, и по каким-то причинам ребенок родился мертвым. Умер еще в утробе. Это подкосило ее. И когда пришла женщина, чужая, сильно отличавшаяся от местных, со зве-риным уродливым лицом, предложив ей сделку, она согласилась. Она берет меня вместо мерт-ворожденного, а та женщина сделает так, чтобы она никогда ни в чем не нуждалась. На тот момент мать была уверена, что других детей у нее не будет.

Никаких денег она, естественно, не получила, женщина исчезла, как появилась, а ребенок оказался калеккой. Радость материнства обернулась бессонными ночами и криками младенца, корчившегося от непонятной болезни, бесконечным хождением по больницам, и еще большей нищетой, потому что весь скудный заработок уходил на лекарства. И одиночеством – чужой больной ребенок был никому не нужен. И когда она поняла, что помощи не будет и отвязаться от меня не получится, возненавидела меня всем своим сердцем.

Я не осуждаю, время было тяжелое.

В конце концов, она не бросила меня. Когда у меня начинались приступы и мышцы сво-дило судорогой, ненависть ее притуплялась, она садилась у изголовья, крепко держала за руки и мычала колыбельные. Но когда появилась сестра, ей пришлось сделать выбор. Сестра была долгожданным ребенком – родная, кровиночка, та, что станет опорой в старости. Мать вычерк-нула меня из своей жизни.

С тех пор со своей болезнью я боролась одна.

А потом в ее жизни появился мужчина. Жестокий и бесчеловечный. Но ей хотелось семью, и она терпела побои и унижения, вымещая на мне боль, обиду и не устроенность.

Моя жизнь превратилась в ад.

До определенного момента.

К двенадцати годам церебральный паралич внезапно прошел. Меня перестали мучить приступы, мышцы окрепли, даже шум в ушах притупился, я перестала его замечать. И когда в очередной раз она замахнулась поленом, я перехватила его.

Мать охнула и осела, глядя на меня с ужасом, а в отражении ее расширенных зрачков я увидела нечто, напугавшее меня не меньше. Огонь в моих глазах – ярко-синий, похожий на свечение звезд, искаженные яростью черты лица, красивого, но не моего. На миг мне пока-залось, что я увидела у себя за спиной огромные темные кожистые крылья. В тот момент я не чувствовала ни жалости, ни сострадания, и легко могла бы убить и ее, в которой я уже не

видела близкого мне человека, и ненавистного отчима, пытавшегося сломать меня физически и морально, и сестру, которую я любила, но отчаянно ей завидовала.

Толстое березовое полено, сантиметров пятнадцать в диаметре, треснуло и переломилось в руке, как сухая спичка...

Я сломала полено!

Это была не я, это было что-то чужое, инородное, словно в меня вселился демон.

Я перепугалась больше, чем мать.

После этого случая мать боялась меня. Я видела животный страх в ее глазах, и она сдала бы меня в детдом, если б не боялась осуждения людей еще больше.

Когда мне исполнилось четырнадцать, я уехала – поступила в училище. Мать, наконец, вздохнула свободно. Ее слова все еще звучат у меня в ушах: «Живи, но к нам не возвращайся, ты мне не дочь, мой ребенок умер!»

Тогда я еще не знала, что она имеет в виду, но я помню боль, которую испытала. Больнее мне не было никогда. Сердце проткнули острым ядовитым жалом, которое застряло там навсегда.

Я до смерти боялась, что сила, дремавшая во мне, лишившая меня матери, вырвется наружу. Боялась, что меня закроют в психушку, посадят в тюрьму, объявят на меня охоту, как на зверя. Даже в самых трудных и отчаянных ситуациях я не позволяла себе поддаться гневу. Но даже так, от меня бежали, как от прокаженной. Мужчины – до первой размолвки, работа – до первой ссоры с коллегами, подруги – до первого предательства. Что-то навсегда осталось в моих глазах от того чудовища.

Детей бог не дал, а я так мечтала! Бегала по больницам, по бабкам, терпела подлецов, лишь бы сделали мне ребенка, и даже пыталась зачать непорочно, ставила свечки всем богам. Согласна была взять сироту, но в детдоме мне отказали, сказали, семья должна быть полной.

В сорок пять поняла, что все в прошлом, выносить из-под меня горшок в старости будет некому. Все, что у меня осталось, работа «лишь бы не уволили», хроническое безденежье, неустроенный быт, одиночество, холодная постель и социальные сети интернета с «несгибаемыми супергероями» хронических неудачников по жизни. Я с ужасом ждала зиму, боялась однажды ее не пережить: вечная нехватка дров, прогнивший насквозь дом, полусгнившая стройка, ради которой я залезла в кредит, разорившись в конец.

А еще этот сон, так похожий на явь...

И все же, я не смирилась. Я была уверена, что должна, наконец, попасть в этот проклятый замок – понять, почему он не отпускает меня. И долго к этому готовилась – всю жизнь.

Чтобы побороть страх перед мертвецами, будившими во мне странное чувство и видения, я даже провела несколько ночей на кладбище. Не на самом, естественно, рядом, за кладбищенской оградой. К кладбищу примыкали огороды новостроек разросшегося пригородного поселка, светили уличные фонари, мимо по трассе проносились автомобили. Но, стоя за кладбищенской оградой, мне казалось, что я вижу город живых мертвецов.

Такой же дряхлый и обветшалый, как их разлагающиеся под землею тела.

Я была как одна из них – они видели меня, пытались заговорить, радушно зазывали, предлагая поселиться в одном из пустующих домов, искренне радуясь новой соседке, и я видела то, что видят они: каждый в том возрасте, в каком ушел из жизни, процветающий город, дома, с плодоносными садами и огородами, отношения, построенные на любви и взаимопонимании...

Но, стоило отстраниться от их иллюзий, как еда становилась прахом, дома – руинами, тела – мощами, изъеденные червями, а их отношения – то, что они не смогли построить при жизни.

Мне было страшно. Очень.

Но я смогла!

Глава 2

Поле осталось позади. Прошла по берегу озера, выбралась на дорогу. Трупов здесь было еще больше, и то тут, то там путь преграждали бронированные машины и механизмы, явно военного назначения. Перед мостом остановилась, наткнувшись на невидимую преграду. Пройти дальше без усилий не получалось. Завеса выталкивала назад, как соленая вода Мертвого моря кору пробкового дерева.

Сунула руку.

Рука с трудом, но прошла сквозь завесу, не встретив физической материи, но я перестала ее чувствовать, словно она превратилась в тяжелый камень.

Вовремя вспомнила: во сне такое бывает – пытаешься убежать, но что-то держит. Ощущение – один в один. Остановилась, пытаюсь справиться со страхом, который заставлял меня просыпаться. Что может быть страшнее того, что я уже видела?

Я должна!

С силой погрузилась в завесу...

Метров пятьдесят я ползла на четвереньках, преодолевая огромную свалившуюся на меня тяжесть, пытавшуюся меня раздавить или отбросить назад. Воздух казался настолько плотным, что протаранить его я могла лишь головой, помогая ей всем своим телом и конечностями. Я ползла, царапая мост ногтями, боролась за каждый миллиметр, и когда, наконец, отпустило, я чувствовала себя размазанной коровьей лепешкой. Тело отказывалось повиноваться, в голове – шум, заложивший уши, и не было сил приподнять голову.

Какое-то время я просто валялась лицом в землю, удивляясь, почему не проснулась. Что-то я не припомню, чтобы так уставала во сне.

Внезапно шум в голове начал отдаляться. Я поняла, что слышу его. Слышу снаружи. Он словно ворвался в сознание и сразу привел меня в чувство. Тело стало моим, пошевелила пальцами – слушаются. Подняла голову, и зажмурилась: яркий свет резанул глаза. Тьма осталась там, за барьером, завеса висела за спиной, выпуская короткие плети, словно пыталась нащупать упущенную жертву.

Ага, щас, отвали, Мерзость!

Я отползла от греха подальше...

Мост оказался из гранитных красных и белых плит, широкий, местами в трещинах, с высокими парапетом и массивными перилами. Кое-где сохранились каменные статуи мифических животных на постаментах. С одной стороны, открывался прекрасный вид на озеро, с другой — низвергался и с шумом разбивался о скалы где-то там внизу водопад, скрытый облаками из мельчайшей водной пыли. В небесной лазури плыли легкие розоватые облака, рассеивая и преломляя солнечный свет небесного светила. Оно еще оставалось за пределами видимости, но блики его солнечными зайчиками уже отражались на водной глади и озера, и реки, прокладывающей свой путь широкой лентой, разрезающей надвое живописную предгорную долину, которая начиналась внизу, сразу за водопадом. По обе стороны от реки, насколько хватало глаз, раскинулись лысые предгорья скальных выступов, обширные леса, цветущие луга с многочисленными стадами животных.

Мирная картина...

Если не смотреть на завесу с радужными маслянистыми разводами. Пелена мрака, словно полотнище, тянулась до самого горизонта, бугрилась и выпячивалась, будто что-то огромное и многорукое пыталось вырваться наружу. Иногда казалось, что на ней проступают неведомые письмена, и она трепещет на ветру, как черное знамя.

На кой ляд она кому-то понадобилась?

Замок при свете дня выглядел еще величественнее, чем в моем воображении. Ворота, украшенные барельефом вьющегося растения, каменные статуи двух огромных драконов на страже, а поверх, над их головами, нечто вроде горгульи в боевом вооружении, как одна из тех каменных статуй, которых я видела в мертвой зоне. Поверх крепостные стены украшали зубцы и огромные каменные богатыри в доспехах. За наружной стеной вторая, построенная, очевидно, выше по уровню и оттого придающая строению в целом сходство с двухуровневой короной.

Защитные стены скрывали нижнюю часть замка, зато верхняя, частично вырубленная в горном массиве, была как на ладони. Это был даже не замок, скорее город, представляющий собой единое многоуровневое строение, основой которому была гора с белоснежной ледяной вершиной, отделенная от остальных гор хребта широкими седловинами.

Звуки...

До чего приятно!

Жарко.

И кости с черепами, выбеленные временем и дождями. Здесь плоть разлагалась, но останки никто не убирал. Значит, многоуровневый замок действительно был необитаем. Дальше я шла смелее. И с оптимизмом: если получилось прорвать завесу, может и личная жизнь наладится.

И чем дальше я шагала, тем светлее становилось – начинался новый день.

Перед массивными высокими коваными воротами, сияющими, будто из золота и хромированной стали, остановилась. Ворота плотно закрыты, но на высоте пяти метров зияет пробоина. Я заметила ее еще на подходе, и сразу подумала о ней. Вряд ли ворота держали открытыми во время битвы – но, как приличный человек, решила постучать.

Вблизи изваяния не казались прекрасными. Величественные – да, но, скорее, пугающие. Драконы, припавшие к земле, высеченные из какого-то необычного переливчатого камня, с волочащимися полураскрытыми крыльями, подползали к воротам с той и с другой стороны. Как живые. Рука мастера славно потрудилась над каждой чешуйкой, над каждым изгибом и выемкой, придавая каждой детали самостоятельную, и в то же время единую часть композиции.

Горгулья, облачившись ладонью в наклоне на одно колено одной рукой, в другой сжимала нацеленное на путников копьё. Одна нога ее покоилась на лапе дракона, вторая, согнутая в колене, на лапу другого. Сама она смотрела вниз, как будто высматривала среди проходящих под нею путников подозрительную личность. Один глаз ее был пуст, в другом сиял массивный рубин с черненной сердцевинкой, делая взгляд нереально живым. Мне даже показалось, что она моргнула. Лицо ее, худое, похожее на череп, обтянутый кожей, хищно скалилось, обнажив острые клыки. Тело как будто застыло в напряжении, готовое метнуть стрелу во врага.

Чешуйчатые морды драконов также были направлены к путникам, готовые выпустить струи пламени.

Ансамбль завершали кожистые крылья всех трех скульптур. У горгульи гордо направленные вверх, у драконов одним крылом вниз, к земле, а вторым под наклоном вверх, как будто они подставляли крыло под снаряды, защищая ворота.

Да, я струхнула.

– Я пришла с миром! – крикнула я, чтоб меня услышали и за воротами, прислушиваясь. – Э-э-эй! Есть тут кто?

Естественно, никто не ответил, но, мне показалось, морда горгульи стала приветливей. Оглянувшись на драконов – глаза их оставались прищуренными, выражение морд – умиротворенное. Они как будто тоже не возражали.

Набралась смелости и постучала.

– Я турист... Хочу замок посмотреть... Люди, ау!

Стук вышел жалким. Из-за шума водопада я сама его едва слышала.

Взгляд горгульи определенно стал насмешливым.

Проследив за ее взглядом, я внезапно узрела на стене сбоку приличных размеров гонг, этакая металлическая тарелка с прикованным к ней массивной цепью молотом.

Тоже приличных размеров. Явно деланный не на человека.

– Извините, слона-то я и не заметила, – смутилась, хватаясь за молот.

Это я поторопилась. С таким же успехом я могла бы толкать в гору паровоз. И пока я возилась с кувалдой, мне показалось, что я услышала за спиной тихий смешок.

Наконец, осознав тщетность своих усилий, бросила бесполезное занятие. Поискала шелку, чтобы заглянуть за ворота.

Напрасно. Они оказались прочными, закрытыми наглухо – мышь не проскочит. Делали их на совесть.

В запасе оставался план «Б».

– А можно, я через ту дырку попробую, – озвучила я его, ткнув пальцем в пробоину, обращаясь к стражам. —Клянусь, я не враг, не замышляю ничего дурного. Просто, как бы это сказать... э-э-э, я все время попадаю в какое-то ваше проклятое место с кучей трупов... Второй раз полосу препятствий, – обернулась многозначительно на завесу, – могу не осилить. Разрешите воспользоваться вашим крылышком?

Дракон, к которому я обращалась с просьбой, потому что именно его крыло как раз немного прикрывало пробоину, явно не относился к домашнему виду животных. Ярko-зеленый авантюриновый глаз его грозно поблескивал, не вдохновленный моей идеей. Он как будто изучал меня. Да и горгулья выглядела нахмурившейся.

Как живая, ей богу!

– А вдруг там принц, которого надо разбудить поцелуем... – жалобно пристыдила я всех троих, и самой стало смешно. Ну не мне будить принцев поцелуями – поздно! Увидит тетку предпенсионного возраста, попросит снова усыпить. – Женить на себе не буду! – поторопилась я успокоить охрану. Я только карму поправлю, чтобы меня сюда больше не тянуло...

И снова показалось, что горгулья как будто улыбнулась. И определенно повернула голову.

Глаз дракона, от упавшей тени набежавшего облака, перестал переливаться искорками.

– Так-то лучше... нет, чтобы сразу... – проворчала я, карабкаясь по крылу на тушу. Полезла вверх по второму крылу, оказавшись прямо напротив пробоины. Приникла к дыре, сунув в нее голову, изучая ворота с той стороны.

Ага, а как спуститься?

Прыгнуть с такой высоты – однозначно переломать все кости.

М-да.

Оглянулась в поисках шеста или материала, чтобы соорудить лестницу, но ничего подходящего не обнаружила. Еще раз заглянула внутрь. Там была перекладина, но не удержаться, не за что зацепиться.

Досадно.

Конечно, можно обойти стену, найти еще разрушения в кладке, но сколько продлится мой сон, успею ли...

– Да прыгай уже, поймаю!

Каменное тело горгульи внезапно ожило, она повернулась ко мне, уменьшилась в размерах до моих и прыгнула, приземлившись на крыло рядом.

Сердце от неожиданности ухнуло в пятки. Испуганно оглянувшись и откинувшись назад, не удержалась, съехала вниз, затормозив задней точкой на драконьей туше.

Горгулья спрыгнула следом.

– ААААА! – в ужасе заорала я, уставившись на нее.

– Не ори! – заткнул меня ее приказной тон. При этом она попыталась изобразить приветливую улыбку, доброжелательно развела когтистые руки-лапы. – Сон разума порождает чудо-

вищ, помнишь? Ты ж во сне! – от ее клыкастой улыбки сердце громко застучало там же, в пятках. Я вжалась в драконий шип.

– Да, но... – я не верила глазам.

Ну, ни хрена же, фантазия у меня! Да мне книги надо писать! Горгулья получилась – живее некуда. Когтистые лапы с длинными пальцами, кожистые крылья, огненный глаз, оскаленное получеловеческое, полужвериное черепообразное лицо, худое скелетообразное тело с выпирающими ребрами, задние ноги... лапы... нет, все-таки ноги, в форме когтистой, кожистой звериной лапы... И хвост! Аккуратненький, с кисточкой на конце. А еще уши, высокие, остро-конечные, и тоже с кисточками, как у рыси, только начинались они, как у людей, у нижнего основания черепа за скулой, остро очерченной от худобы.

Хотя... а почему бы нет? Мне и не такое снилось.

Помню, как-то приснился черный бог с горящими глазами в виде огромной крылатой худой не то собаки, не то волка, в сопровождении девяти таких же, только серых, крылатых, похожих на него тварей. Я тогда стояла у высокой стены, бежать было некуда, и этот бог, против которого я была не больше зайца против человека, смотрел на меня сверху, а девять сопровождающих из его свиты окружили со всех сторон. Серых крылатых псов помню смутно, они были похожи между собой, а вот его, черного, грозного, я запомнила очень хорошо. Угли его глаз смотрели на меня так пронзительно, будто он видел меня насквозь. Правда, он со мной тогда не разговаривал, и я чувствовала исходящую от него угрозу. Сон тогда тоже был такой реальный, такой живой и настоящий, прямо как наяву. Я едва успела проснуться, когда этот звериный бог собрался на меня с высокой стены прыгнуть.

Горгулья шагнула в мою сторону, и я невольно отползла еще дальше к краю.

– Что? – она остановилась, задумчиво почесала когтем лоб, и внезапно превратилась в покрытую серебристо-голубой шерсткой ящерицу. С крыльями. Лицо стало продолговатое, вытянутое. Этакая мультяшная версия хамелеона, стоящая на двух ногах, с по-лягушачьи очеловеченными передними лапами.

– А так? – довольно ухмыльнулась она, выставив перед собой разведенные вопросительно лапы. – Не бойся, есть не буду, еды там навалом, – жестом махнула в сторону долины, не взглянув в ту сторону.

Смутные подозрения завладели моим сознанием. Я что, накrotы нанюхалась и меня конкретно штырит? Лучше б я спилась – хочу белочку! Хотя так и не смогла вспомнить, когда начала злоупотреблять. Казалось, вела здоровый образ жизни.

Сейчас я помнила свою жизнь так хорошо, как будто и не сплю...

И за каким лешим меня сюда понесло?

Все эти тщедушные вопросы оставались где-то на краю сознания, потому что в целом сознание пялилось на горгулью, выискивая признаки игры воображения и прорехи в созданной моим воображением галлюцинации.

Горгулья, усевшись напротив, глядя в глаза, будто читала мысли, терпеливо ждала, когда закончатся мои душевные терзания по поводу неправильно выбранной привычки и места для прогулок.

– А вы... простите... кто? – наконец, выдавила я.

– Крестная фея. Прости, волшебную палочку посеяла, – горгулья взглянула на брошенное на землю копьё и передумала его доставать. Быстро вскарабкалась к пробоине, юркнула внутрь. Выглянула, поманив руколапой с длинными лягушачьими пальцами с острыми когтями на конце.

– Лезь сюда! – приказала она и, видя мою нерешительность, добродушно добавила: – Ты ж хотела замок посмотреть? Хотела – смотри! Что не показать хорошему человеку... Туристы сюда редко заглядывают, последний век вообще провальный. От скуки можно сдохнуть.

Я полезла за ней.

Высоко! Опасливо покосилась вниз. Если сейчас еще драконы вздумают ожить, свалюсь прямо на копье, приставленное к драконьему боку, направленное как раз на меня.

– Лезь! – поторопила она из пробоины, удерживаясь в воздухе с помощью крыльев. – Попробуем отыскать твоего прЫнца, – усмехнулась. – Я даже готова на время стать этой... лошадкой, – она превратилась в крылатую коняшку с двумя острыми длинными с изломом вверх рогами, как у тех лошадей, которых я видела на поле брани, только маленькую. И лысую. Вернее, покрытую толстой кожей черного цвета. И без копыт, вместо них остались когтистые лапы. – Тыгдык-тыгдык-тыгдык... —протыгдыкала она, подпрыгивая на задних ногах, изображая передними управление поводьями, а телом седельную тряску.

Эта зверюшка меня троллит?

Да что она себе позволяет! Это мой сон!

– Хочешь, научу? – ласково подмигнула она.

– А можно? – не поверила я.

– Нет, – с издевкой ответила она, втаскивая меня в пробоину, вынуждая свесить ноги с другой стороны ворот.

Вот же заноза!

– Держись за меня, – она грубо схватила меня за плечо и с силой дернула – я полетела вниз.

Глава 3

Приземление было мягким. Если кто-то думает, что перед смертью проносится вся жизнь, то ошибается. Я ни одного греха вспомнить не успела. У земли горгулья подхватила меня за шиворот и мягко поставила на ноги. Ощупала себя – цела! Огляделась, на всякий случай, наметив отступление. С этой стороны ворота запирались массивными перекладинами, но в воротах имелась замаскированная узорной ковкой неприметная дверца, что-то вроде окошка для посетителей. Сейчас дверца была закрыта, но запиралась простой щеколдой.

Пролезу, если сильно постараться.

Пространство между крепостными стенами, сложенными из многотонных мегалитов и расположенными в километре одна от другой, представляло собой полосу угодий, скорее всего, предназначенную для снабжения города-замка сельхозпродукцией во время осады. По обе стороны от дороги росли деревья и кусты, увешенные плодами и усыпанные спелыми ягодами, вился виноград, какие-то лианы с овощами, наподобие огурцов, и прочая сумевшая выжить огородная растительность. С цветка на цветок перелетали пчелы, красивые с радужной окраской огромные бабочки и прочие насекомые, под ногами прошмыгивали непуганые зверюшки, на лужайках паслись небольшие стада жвачных животных, и ничто не напоминало о битве, кроме разбитой местами дороги и почти не разрушенной кладки стен – искать пробоину мне пришлось бы долго.

– А здесь ничего так, – топая за горгульей по ровной широкой дороге, оценила я.

– Были времена получше, – сухо ответила она.

– А кто здесь жил? – я заметила притаившегося хищника и быстро поравнялась с ней.

– Ты, – так же сухо ответила она.

На какое-то время я зависла, поотстав, анализируя факты своего бытия. Не может быть.

– Шутите, – улыбнулась я.

– Ничуть, – ответила горгулья, не меняя тона. – Так что прЫнца не будет, только прЫнцесса. Наследница Великого дома Валькирии Брунгильды. Той самой, которой надоело прислуживать пьяной солдатне у своего папашки Одина и посчастливилось выйти замуж за принца оборотней. Кстати, по матушке она тоже была принцессой. Принцессой эльфийкой. Матушка ее в то время правила Террой, а муж-рогоносец, соответственно, был эльфийским королем.

– Наследница чего? – я остановилась.

– Великого дома Валькирии. Брунгильды. Скандальная была история, – отмахнулась горгулья. – Но зато жила долго и счастливо, плодилась и размножалась. Пока не произошло вот ЭТО! – она резко затормозила, развернулась, раздраженно взмахнула когтистыми руколапами, разведя их широко в стороны, очевидно имея в виду произошедшее в прошлом вторжение.

Я с минуту смотрела в целый глаз горгульи, пытаясь уловить во взгляде хоть малейший сарказм. Глаз у нее был красным, но зрачок остался черным.

– И что, я тоже буду мертвые души собирать? – хихикнула я.

– Что-то не припомню, чтобы прабабка твоя их собирала, как покинула вертеп Одина... Править будешь, Террой. Во славу валькирий. Больше, похоже, некому. Это планета валькирий, а твой род – хранитель этой планеты.

– Да-а-а? – протянула я, плохо представляя себя в роли правителя.

– Сестрицы твоей прабабки любят проводить здесь законный отпуск. И ты, ее правнучка, должна сделать все, чтобы отдых был приятным, восстанавливающий душевное равновесие небесных тружениц сбора душ и подносов, – пояснила горгулья, продолжив путь. – Ну, еще, может, кто-то из народонаселения выжил. Им тоже нужна крепкая рука. Народ у нас... чуть что, сразу в драку – хлебом не корми. Поубивали, наверное, друг друга.

– Типа, санаторий что ли? Так валькирии ж бессмертные.

– Кровь, кишки, срубленные головы... – криво усмехнулась горгулья, – хоть кому требуется реабилитация.

– Хм, – хмыкнула я, удивляясь своей буйной фантазии. Долго не просыпаюсь, однако. Может, кома?

О том, что у меня сердечный приступ и тромб оторвался, и я тут насовсем, думать не хотелось. Как там без меня собаки, кот, кто их накормит, пока сообразят меня искать? Ко мне года два никто не заходил, не люблю гостей. И с дочерью не помирились. И до пенсии не дожила, чтобы насолить нашему гребаному правительству.

Сразу захотелось вернуться в тело, но любопытство осмотреть замок пересилило.

– Значит, я бессмертная? – решила я проверить глубину своего воображения. – Ну, не совсем, но что-то типа того. И жить буду долго и счастливо. В этой обители девственниц?

– Этот вопрос не ко мне, это к нормам, теткам твоим... Почему девственниц?

– Ну, валькирии же девственницы. Так написано.

– Нельзя ж всему верить. Взять ту же Перуницу, вышла замуж за Перуна из Ирия, и тоже живет долго и счастливо. Какая ж она девственница? А ты б откуда взялась, если б матушка с батюшкой не согрешили?

– И куда все родственники подевались?

– Да кто ж их знает! – ответила горгулья раздраженно. – Но, судя по тому, что никто не вернулся, в живых остались ты да я. И править тебе будет нечем. Сочувствую.

– Да-а, – протянула я. – А кто на вас напал?

– Богиня Иштар, олимпийская стерва. Блудница – каких поискать! – с ненавистью проскрипела горгулья зубами. – Чуть что не по ней: «Выведу мЕ-Ертвых, будут есть живЫ-Ых»... – с неприязнью передразнила она. – И ведь вывела, тварь! И Марс еще, Арес по-ихнему...

– Это который бог войны?

– Да какой он бог! Горе луковое, а не бог! Так, мальчик для битья... Жениться по любви и то не смог, – горгулья зло рассмеялась. – Однажды в Минерву влюбился и попросил еще одну олимпийскую страдальцу Перенну посодействовать... А когда обряд закончился, опаньки, а под вуалью сама дряхлая Перенна! Так над Марсом во всех небесных мирах потешались – и в Ирии, и в Олимпе, и в Асгарде, и там, где про эту часть небесного сектора не слышали. А идею Перенне подкинул Один, прадед твой, – упрекнула она меня.

– Да я вообще не при делах! – открестилась я. Еще не хватало, чтобы они свои разборки на меня повесили.

Горгулья махнула рукой:

– Да ладно, – простила она меня. – Кто ж знал, что этот коротышка таким злопамятным окажется. На Валгаллу напасть кишка тонка, так он на нас отыгрался.

– А почему на вас? Вы к их разборкам каким боком?

– Валькирии – дочери Одина, а бабка твоя Брунгильда – старшенькая. Брунгильда – самая любимая, Ахиллесова пята. На кого ж еще нападать? Не на чистокровных же богов, от них можно ответочку получить. Тебя только успела спасти. Там, в соседнем измерении, у одной женщины как раз мертвый ребенок родился. Пристроила, пока тут все не закончится. Вернулась, а тут ТАКОЕ! – горгулья снова остановилась, вспоминая тот страшный день. – Я как раз под эту проклятую завесу попала, самым краешком, еле выбралась. Кстати, не чаяла свидеться, – призналась она. – По дороге мы с тобой в ловушку попали, меня так в клочья, – горгулья рассыпалась на камушки, которые через секунду обратились в змей, змеи сплелись в клубок, собравшись воедино, и через мгновение живая и невредимая шагала впереди меня.

– Круто! – от вида змей мне слегка поплохело, но я мужественно держалась.

– И тебе досталось.

– Выжила. Болела только долго.

– Главное, выжила. И вернулась. И спасешь всех.

– А с чего ты решила, что я смогу чем-то помочь?

– Я много раз пробовала отсюда выбраться, не вышло. А ты прошла. Теперь знаю, иначе и быть не могло – норны не ошибаются.

– А норны – это кто? – решила я уточнить.

– Богини судеб. Урд, Верданди и Скульд – прошлое, настоящее и будущее. Тетки твои крестные. Родственницы, кстати. Только это еще те извращенки, так что с напророченными приключениями поосторожнее, – криво усмехнулась горгулья.

Дальше какое-то время шли в скорбном молчании. Горгулья с болью в сердце, помянув моих родственников, а я...

Буйную фантазию моего воображения требовалось переварить. Естественно, ни о каком трауре с моей стороны речь не шла. Для меня все эти боги, канувшие в лету, были не более чем вымысел. Я вообще по жизни атеист. Но фэнтези люблю почитать на досуге, любовное, про попаданок.

– Значит, я из рода Валькирии, – догнала я спутницу.

Она снова остановилась, развернулась, взглянула на меня в упор.

– Да кого в твоём роду только не было! Боги, демоны, драконы, человечки... И прочая залетная нечисть. Проще назвать, кто в твоём роду не отметился, – оскалилась она. – Прабабка твоя ради оборотня Асгард бросила, бабка твоя за помесь дракона и демона в замуж вышла... Отец твой... Мать его, твоя бабушка по отцовской линии, помесь вампира с оборотнем, дед – помесь эльфа и человечки. Не лежит душа валькирий после Асгарда к худосочным эльфам! Но род валькирий в генеалогическом древе не прерывался. Линию можно проследить от сих до сих! – ткнула она пальцем в небо и перевела его на меня. Продолжила путь. – Не парься, за миллионы лет все расы перемешались, верхний мир, нижний мир, срединный мир... Только мы, каменюки, чтим чистоту крови... Не смешиваемся просто, генетика, как таковая, отсутствует.

– А боги – они кто?

– Сущности. Еще до рождения Вселенной появились – первая раса разумных существ. Творец создал их, как помощников, дал им власть над мирами. И было их тогда мало, но потом расплодились. А живут в Небесных чертогах, там, где они и раньше жили, но могут спускаться, надевая на себя человеческую или звериную личину. Это они создавали вселенную и населяли ее людьми по образу и подобию. Может для развлечения, может, чтобы чувствовать себя богами, может, батарейки нужны были. Мы, например, потомки богини Фауны и верховного демона Кхорна. Прадед изнасиловал бабуку, и она родила изменчивых зверей, умеющих оставлять следы... – горгулья чуть задержалась, потом шагнула вперед, и там, где она стояла, остался пушистый зверек с премиленькой мимимишной мордочкой. Потом еще шагнула, и на ее месте появился такой же, чуть покрупнее. Зверьки обнюхали друг друга и поскакали в огород. – Прабабка моя – богиня добрейшей души. Пращуры мои росли в любви, и бабуку мы чтим – нет для нас другого родителя. Хотя признаю, демоническая природа моему виду присуща, все-таки Кхорн – верховный демон, в аду я как у себя дома. Но вотчина моя здесь, среди лесов, полей и рек.

Мы подошли к распахнутым настежь воротам второй крепостной стены, благополучно их миновали, очутившись...

То, что открылось моим глазам, невозможно описать словами. Это был величественный город-дворец, город-сад, город-крепость, поднимающийся в верх ступенчатыми анфиладами, соединяющими выполненные в одном стиле двух и трехэтажные дома на нижних уровнях и выше залы с высокими арочными входами и окнами. На сотни метров тянулись широкие каменные и садовые террасы с балюстрадами, с беседками и ротондами, вырубленными из цельного камня, с колоннами в виде мифических персонажей. Повсюду стояли статуи дев, мужчин, опять же, разной мифической живности, а по искусственным каменным ступеням,

наполняя озерные чаши, от ледяной вершины текла полноводная кристально чистая река, орошающая сады и наполняя фонтаны по многочисленным каналам. И все искрилось, сияло, как будто переливался на солнце только что выпавший снег.

Правда, сейчас это все выглядело позаброшено из-за разросшейся зелени, оплетших дома лиан и вымахавших цветущих кустов, но все же бывшая роскошь и великолепие города сохранились.

– Охренеть! – только и вымолвила я.

И вот этого всего я лишилась благодаря какой-то покровительнице проституток?!

– Ну, не под забором себя нашли, – скептически пожала плечами горгулья. – Топай давай, шевели копытами, некогда слюни пускать, – подтолкнула она меня, грубо пальцем вставив челюсть на место.

– А эта... Иштар, у нее какая причина была?

– Демона одного с Брунгильдой не поделила. Иштарка, конечно, богиня любви, но не ласковая она с любовниками. То в царство мертвых отправит, то в зверя превратит – кто ж на такое добровольно подпишется? А прабабка твоя вдова, и больше пяти тысяч лет не дашь. Она хоть и не чистокровная, но богиня, жизни ей много больше человеческой отмеряно. Так этот черт проходу ей не давал, замуж звал, и она, в конце концов, согласилась. Не вечность же одной куковать.

Пока горгулья не видит, я незаметно отколупала камушек от разбитых перил, сунула в карман. Интересный минерал, синий с сиреневыми и розовыми прожилками. Кстати, я была ровно в том, в чем легла спать – в пижамной сорочке с карманами, белая, в крупный цветной горошек.

И босиком.

Внимание, обращенное на мое облачение, вернуло меня к действительности. Странный сон все никак не заканчивался.

А пора бы!

Мы поднимались по дороге, опоясывающей гору серпантином, иногда срезая очередной виток по мраморным лестницам. Подъем меня порядком измотал, и мне стало не до местных красот. Я уже не гладела по сторонам, считая ступени, как По в «Кунг-фу Панде». Пот с меня лился ручьями, пижамка взмокла. Пару раз мне удалось окунуть голову в попадавшие на пути небольшие озерца с ледяной водой, охладив тело. Но через сотню метров я уже снова изнывала от жары. Хотелось упасть где-нибудь в тенечке и не двигаться. И все же, проходя мимо некоторых статуй, громоздившихся на площадках в беспорядке, меня брала оторопь. Неподдельный ужас в лицах, кто-то пытается закрыть уши, кто-то тычет пальцем в небо, кто-то кричит... – их было слишком много. И чем выше мы поднимались, тем чаще встречались подобные скульптурные группы. Я не понимала, кому пришла идея ваять наполненные ужасом статуи на улицах прекрасного города-крепости, уродуя его. Если для устрашения, то вселить в меня безотчетный страх у архитектора точно получилось.

Наконец, у меня мелькнула догадка.

– Меня нельзя обратить в камень, я и есть камень, – подтвердила ее горгулья, остановившись возле скульптур, напряженно всматривающихся во что-то за границами крепостной стены. – Тут немного людей оставалось, слуги, в основном, охрана, остальные ушли биться с полчищами мертвых или эвакуировались на острова. Еще до того, как опустилась завеса. Но тут-то как раз все понятно, голова Медузы Горгоны. Эту башку тыщи лет назад отрубили, а она все еще убивает. Иштарка с трубным воплем с нею над крепостью пролетела, все и выскочили посмотреть. Слава богу, животные от воя попрятались, а то бы я тут с голоду сдохла. Я тогда к мосту продиралась, видела. Интересно, как этой башке без тела? – задумалась она, продолжив путь.

Похолодев от ужаса и обходя окаменевших людей, я посеменила за нею.

Какой бесконечный и странный сон!

Внезапно горгулья свернула на террасу и проследовала в одну из дверей. Очень скоро мы вошли в почти пустой огромный зал с резными колоннами, украшенными витиеватым золотым плетением. Свод высоченный, метров десять. Потолок расписан сценами из жизни богов, пол выложен мерцающей плиткой.

Здесь горгулья не остановилась, а потащила меня дальше, внутрь горы (или здания?).

Миновали пару широких коридоров, освещенными незнамо как. Окон не было, и не было явных источников света, но было светло, как днем. А еще светились ниши с неведомой растительностью и живностью. И, наконец, шагнув в какую-то дверь из тумана, оказались в просторном помещении.

Помещение иначе, как чертог не назвать. Ледяной чертог. Стены, пол, потолок – все изо льда или покрыто льдом, а все в зале, что не изо льда – толстым слоем инея. Посередине трон, в форме удобного диванчика, увенчанный на спинке треугольниками на фоне солнышка. Перед ним – стеклянное озеро. По бокам от озера – диванчики поскромнее.

– Мы где? – робко поинтересовалась у горгульи.

– Домашний кинотеатр. Садись туда, включай экран, – она подтолкнула меня ладонью в сторону главного трона, пропуская вперед, и последовала туда же, устраиваясь на ступеньках помоста.

– Как включать? – я поерзала на сидении, боясь застудить что-нибудь. И в тот же миг почувствовала под собой шкуру. С серебристым мехом. Теплую.

– Ничего себе! – я пощупала шкуру, пытаясь в нее завернуться.

– Не отвлекайся, – приказала горгулья, хищно уставившись на стеклянную гладь озера. – Думай о том, что хочешь увидеть.

– Восьмой сезон «Игры престолов», – хихикнула я. —Сценаристы никак порох не изобретут, хотя рыжая ведьма давно его использует, – пояснила, понимая, что, если озеро начнет показывать сериал, я тут зависну надолго.

И внезапно замолчала.

В озере в 3D отразилась моя скромная кровать – без меня. На кровати, со скучающим видом, возлежала Масяня – метис овчарки и какой-то добрейшей породы бойцовых собак, Тимка – полушпиц, и Тишка – черный кот сибиряк.

– Страшные звери, – хихикнула горгулья. – Твои?

– Мои. Голодные, наверное. А тело мое где? – напряглась я.

Горгулья удивленно приподняла бровь, окинув меня взглядом, которым смотрят на идиотов. Раскрытой ладонью ткнула в меня:

– Здесь! – и повернулась к экрану. – Скромненько у тебя.

– Звезд с неба не хватаю. Воровать не научилась, и бизнес-вумен из меня не вышла. Но я пыталась.

– А это кто? – горгулья указала на фотографию в рамке на столе.

– Сестра моя. С племянниками. Не родная. Меня удочерили. Но другой родни у меня нет.

– Вот уж родни-то у тебя навалом, – усмехнулась горгулья.

Я покосилась на нее.

У моей новой знакомой была необыкновенная способность менять форму. Даже если горгулья принимала форму человека, звериное в ней оставалось. Поначалу меня это напрягало, но, поскольку это был мой сон, я перестала обращать на ее изменчивые формы внимание. Вот и сейчас она была как человек, такая, какой я увидела ее у ворот в виде статуи, но очень страшный человек, увидишь такого – кондратий хватит. Как будто с иконы сошла, где человекоподобных демонов изображают.

После ее вопроса озеро нас тут же перенесло в гостиную сестры. Она сидела за ноутбуком, с кем-то переписывалась. Хихикала. Муж ее и мои племянники играли в нарды. Рядом

смотрели телевизор жены племянников с младенцами на руках. Шутили, подтрунивали и посмеивались над героями сериала.

А мне на сообщения не отвечала, говорила, что времени нет. И на свадьбу не позвали. И что бабушкой стала, не поделилась.

Я тяжело вздохнула, подавив напомнившую о себе застарелую боль в сердце. По-другому и быть не могло. Я любила сестру, считала ее сестрой, а она, настроенная против меня матерью, с детства относилась ко мне с пренебрежением, избегала общения, стеснялась родства. Какое-то время назад мне показалось, что отношения наши сгладились, но, оказывается, ничего не изменилось.

– Миленькие карапузы! – умилилась горгулья.

Как у нее все хорошо сложилось – я смахнула непрошенную слезу. Я не была у сестры лет пять, и она никогда ко мне не приезжала. Поссорились. Так, по мелочи, уж не помню из-за чего. Возможно, ей просто нужен был повод.

– А ты что же семьей не обзавелась?

– Да был один... – неохотно припомнила я. – Но как-то не срослось. Характерами не сошлись... Другую нашел. Развелись.

И мы тут же оказались в квартире моего бывшего. Он сидел на диване, смотрел телевизор, пил пиво и ковырял в зубах зубочисткой – вот же предательское озеро! Я почувствовала, что краснею. Бывший мой конкретно сдал, от бывшего статного мужчины остался беззубый лысоватый старик, с морщинистым небритым лицом и остро торчавшим носом. В какой-то заношенной и застиранной тельняшке, в семейных трусах, на босу ногу, с нестриженными пораженными грибок ногтями. Перестав ковырять зубочисткой в зубах, почесал ею ноготь ноги и снова сунул в рот.

– М-да, – нечленораздельно промычала горгулья, посмотрев на меня с жалостью.

– Давай не будем заострять, – попросила я. – Как переключить канал?

– Попроси показать нам ту тварь, которая мой глаз украла... Где Мой Глаз?! – требовательно и воинственно гаркнула она, обращаясь к озеру.

Озеро ее проигнорировало. Оно вообще отключилось.

– Ты его в битве потеряла? – уточнила я.

– Нет, раньше еще, в стычке... – договорить горгулья не успела.

Озеро перенесло нас в третьесортный кабак, с пьяной в хлам публикой. Горгулья веселилась с компанией не то гопников, не то солдатни – все при оружии, но без формы. Лица у ее друзей были грубыми, с массивными челюстями, тела волосатые, и не кулачищи – кувалды. Я уже видела за завесой представителей этой расы.

Пришла очередь краснеть горгулье.

Компания явно нарывалась на грубость, хамила посетителям за другими столами, мужики лапали официанток, подмигивали и строили глазки посетительницам, которые к тому же были не одни, а горгулья – та приставала к мужчинам. Хватала их за задницы, вертела попой, имитировала оргазм, а остальная компания ей громко хлопала и хохотала. При попытке спеть хором, столы вокруг резко опустели – слуха ни одного из компании не оказалось.

Их попытались утихомирить. Сначала вежливо.

Среди прочих за соседним столом обедали монахи в сутанах с капюшонами, скрывающие лица. Те вроде вели себя прилично, но пьяным дебоширам не понравилось, что те лица не кажут.

Монахи оказались не промах – обученные боевым искусствам. Один из них припечатал горгулью ногой в глаз, выбив красный рубин каблуком. Горгулья на миг окаменела, и в этот миг монах успел выдернуть глаз окончательно и спешно ретировался, оставив своих добивать солдатню.

– М-да, – протянула я, посмотрев на горгулью с жалостью.

– Было дело, славно нам навалили, – подавлено покаялась она. – Кто ж знал, что это иштаркиной сотни львов небесные воины. Их не победить смертным. На разведку пожаловали. Мне бы насторожиться, что мысли их не вижу, но мне было не до них. С магами у меня тоже иногда не прокатывает – закрываются амулетами. Меня тогда в звании повысили – отмечали. Я с драконами на охране ворот стояла, а когда ты родилась, нас, меня и несколько оборотней, к твоим дверям приставили. Я знаю, с чем пришли, а оборотни умеют распознать, кто перед ними: маг, человек или бог. Мне, и того больше, разрешили за тобой присматривать. Из казармы да в королевские покои... Это, знаешь ли... Кладовку выделили. С окошком. А когда из портала начали вываливаться мертвецы, родители твои приказали спрятать тебя в другом мире.

Горгулья тяжело вздохнула.

– Ты мне глаз найди, где он, у кого он.

Перед нами предстал рогатый монстр, дышащий огнем. С хвостом. С углями вместо глаз. Увидишь – поседеешь. На первый взгляд. На второй он мне даже симпатичным показался. Косая сажень, узкие бедра, сильные крепкие ноги, горящий взгляд – идеал всех попаданок, мечтающих выйти замуж за высокородного и благородного демона.

Именно за высокородного и благородного.

В помещении, отделанном под уютную пещеру в осенних багряно-желтых янтарных тонах, кроме него находились еще трое – две симпатичные, на мой взгляд, демоницы, облаченные в легкие одежды, что-то типа, вышитого шелкового кимоно с шароварами, и демон в шароварах и короткой тунике, уступающий хозяину размерами и статью. Эти трое, сидя на подушках со скучающими лицами, наигрывали на музыкальных инструментах приятную мелодию. Позевывая, когда хозяин поворачивался спиной. Вряд ли простолюдин мог позволить себе трех менестрелей в быту, а откровенный игнор работодателя говорил лишь об одном: хозяин добрый, бил не часто – распустились.

Монстр как раз собирался принять огненную ванну. Скинул халат, оголив мощный торс, почесал сокровенное, – м-да, было на что посмотреть! – и погрузился в каменную купальню, наполненную кипящей лавой.

С книгой в одной руке, с кубком дымящейся жидкости в другой...

Какое-то время я ждала, что толстенная книга в кожаном переплете вот-вот загорится, но она не загоралась. Он перелистывал листы, брызгая лавой, и лава испарялась со страниц, не оставляя следа. Кисточка его хвоста, свесившись из купальни, ритмично покачивалась в такт мелодии. Еще и ногой постукивал о каменный ботик.

– Глаз пусть покажет, глаз! – требовательно подергала меня горгулья за подол сорочки.

И мы тут же перенеслись в другую пещеру...

Боже, чего в этой сокровищнице только не было! Может, это был декор, но выглядела сокровищница как заросшая кристаллами пещера. Неровные высокие своды с опасно нависающими выступами естественных плит, кривые покатые, то расширяющие, то сужающиеся стены, каменный пол, усыпанный играющими на свету самоцветами, сталактиты и сталагмиты, с причудливыми естественными узорами, в беспорядке стоявшие и не закрывающиеся сундуки, наполненные золотом, алмазами, рубинами, топазами и прочими драгоценными камнями. От обилия драгоценностей можно было ослепнуть. Где-то они лежали грудками прямо на полу, освещенные факелами на стенах. Тут же в кучах валялись книги, на подобие той, что читал монстр. По-моему, попытка сложить их в стопки или хотя бы рассортировать была – книги лежали отдельно, но не увенчалась успехом. Тут же валялась золотая и серебряная посуда, всевозможные вазы, дорогое оружие. Очевидно, добыв очередную ценную вещь, ее просто бросали тут, забыв в ту же минуту.

– Вот он, родненький! – радостно пискнула и вскочила горгулья, когда всевидящий глаз стеклянного озера, проплывающий над сокровищами, завис над красным рубином. Он лежал на самом верху красного цвета камней, среди которых были рубины и покрупнее.

– И что? Ты сможешь его достать?

Горгулья с горечью вздохнула, потерев пустую глазницу.

– Увы, нет. Но теперь я хотя бы знаю, где он. Этот демонический князек – союзник наших врагов, вот с кого надо начинать! – непонятно как, но у нее в руке оказался блокнотик. Обычный такой, с красной пластмассовой обложкой, и карандаш. Тоже на вид обычный. Запись определенно была сделана кровью. – Граммуль Тидеон Князь Тартарский, – яростно нажимая на карандаш, нацарапала она, со злостью в голосе повторив имя вслух. – Апрудахрхархармихрдахр Зумзум Сербатрумбр. Батюшка с матушкой с ума сошли, такое имя ребенку давать?!

– Тут что, все из воздуха можно достать? – осторожно поинтересовалась я, расширяя свой кругозор. Пока она вписывала имя в блокнот, я осматривалась.

– Нет, только то, чем уже владеешь. И не везде, здесь только. Это апартаменты Одина. Но ты можешь считать их своими, потому что он тут в гостях, а ты дома. Этот зал – дар дому Валькирии. Этаким центр разведывательного управления. И никаких заговоров, никаких подковверных интриг, никакой коррупции. А еще здесь Высший Суд заседает, когда преступники требуют Высшей Справедливости. Но если виновен – сразу смерть. Поэтому желающих получить ее немного. Озеро сразу покажет, врут или правду говорят. Теперь озеро покажет нам, как добраться до этого тартарского князька. Прижмем его – и дело в шляпе!

– С чего ты взяла, что он соучастник, может, он его купил. Воры, обычно, не держат при себе ворованное. И книжек не читают. Этот с виду культурный демон, – заступилась я за несчастного.

– Логично, – согласилась горгулья. – Но с кого-то надо начинать. И вообще, как-то надо выбираться отсюда. Как миленький расколется, у кого он его купил!

– Любопытно посмотреть, как мы будем его прижимать, – приценилась я к рогатому чудищу.

Стоило о нем заговорить, всевидящее око вернулось в ванную комнату, направив взор на купающегося демона, заучивающего вслух какое-то заклинание. Он еще и леденцы хомачил. Пока нас не было, ему принесли поднос с круглыми разноцветными конфетами. Там же, на каменном столике, в глиняной рубашке, стояла бутылка из красного стекла, из которой новая девушка приятной НЕ демонической наружности, скорее всего, обычный человек, доливала в кубок хозяина дымящуюся жидкость.

– Меня гнетут смутные сомнения, что у нас ничегошеньки не выйдет. От слова «совсем». Это он из нас душу вытряхнет. И внутренности. Подумаешь, какой-то рубин, проще найти новый камушек.

– Да где ж его возьмешь?! – расстроено всплеснула руколапами горгулья. – Рубины такой величины на дороге не валяются! – подставила она мне на обозрение целый глаз, тыча в него когтем. – Камни из глаз горгулий ценятся очень, чистейшей воды и обладают свойствами, которые только у камней с такой же чистотой есть. Сильнейшие накопители и против них ни одна нечисть не устоит, если ее этим глазом чиркнуть. Духи невидимы, а с помощью глаза спокойно можно за хвост поймать. Половины моих сородичей со стекляшками ходят, а через них даже призрака не разглядишь! – и обиделась. На меня. За то, что не иду войной на какого-то демона. Из-за нее. Подумаешь, демон, я ведь их три раза на дню потрошу, перед завтраком, обедом и ужином.

– Мы что, беднее третьесортного Граммуля? Он даже не Тоннаж! – я точно знала, что пытать этого Граммуля не хочу и не буду. Ни за какие коврижки. И тащиться на край света не собираюсь. Мне домой надо, у меня там собаки и кошка не кормлены. – А искусственно выращенный тебе не подойдет?

– Сте-Кля-Шки! – так вот она что имела в виду.

– А сокровищницы тут нет?

– Сокровищница-то есть, – засомневалась Горгулья, изучающе глядя на меня и облизнувшись. – А ну как пожалеешь? – с сомнением и затаенной радостью прищурилась она. – Просто у вас, у потомков Одина, есть нехорошая особенность. Если накосячу и сочтешь, что я тебя предала, этот камушек меня со свету быстрее тех сживет, кто за ним будет охотиться. А я, знаешь ли, не святая, все ошибаются.

Да, явно бедняжку зарплатой и премиальными не жаловали.

– Я?! Сокровища из чьей-то сокровищницы?! Да ни в жизнь! – твердо поклялась я. – Может, обет какой-то дать? Я, знаешь ли, тоже не святая, мало ли что надумаю.

Спустя минуту, горгулья радостно скакала куда-то внутрь горы, увлекая меня за собой.

Глава 4

Мама дорогая! Одно дело смотреть на сокровища через экран, другое – иметь возможность их пощупать и нацепить на себя. Я выглядела, как новогодняя елка, но не было сил снять с себя надетое ранее. Горгулье тоже кое-что приглянулось, но примерять разные бусы, ожерелья, серьги, диадемы и прочие женские радости она не торопилась, отыскивая крупные камни и откладывая их на примерку. Особенно нравились ей крупные граненные камни, взгляд от них начинал лучиться и глаза как будто светились изнутри, играя светом.

Семейная сокровищница, можно сказать, никем не охранялась. Перед тем, как войти, горгулья поведала мне, что бывает с теми, кто не тот, за кого она меня принимает, но я пропустила предупреждение мимо ушей. Я же во сне, а во сне можно все. Поэтому смело открыла дверь, смело вошла в подвал, и немного окосела, узрев неисчислимые богатства, свалившиеся на мою голову. В отличие от сокровищницы демона, здесь они лежали в идеальном порядке. Как в библиотеке. В уходящих вглубь горы огромных залах нескончаемые стеллажи, стеллажи, с коробками, сундучками, сундуками, шкатулками, подставками, сосудами и прочими вместилищами – и все подписано. Отдельно женские украшения, отдельно мужские, отдельно оружие, кольчуги и прочие военные атрибуты, отдельно собранные камушки и самоцветы, отдельно монеты и драгметаллы, и посуда, отделанная драгоценными камнями из золота, платины и серебра – куда ж без нее. В ряд стояли статуи крылатых дев и прочие шедевры отлитые, вырезанные и слепленные из чего только можно.

Отдельно хранилась государственная казна. Нет, не так, скорее, планетарная, поскольку государств на планете не было, а было, по словам горгульи, три континента, имеющие между собой сухопутную связку, три океана, так же связанные между собой, и многочисленные острова. Были общины со старейшинами и административным ресурсом.

Войти в казну не удалось. И тоже вроде вход свободный, но вместо двери невидимая преграда, хуже той, что висела снаружи замка.

– Это потому, что ты жезл правления на себя не приняла. Примешь, откроется. Не забудь, – бесцеремонно напомнила горгулья, – казна мне за сто лет зарплату задолжала.

– Пятьдесят, – что-то горгулью понесло.

– Сто! Время в твоём мире течет медленнее. Ровно в два раза, – радостно сообщила она.

– Ну, сто, так сто, – согласилась я. Тут и за миллион лет расплатиться хватит, затарились предки.

Очевидно, женский пол моего рода любил проводить в сокровищнице много времени. Тут были зеркала, пуфики, столы с самоварами и чайными сервизами, камины, и даже примерочные. Кстати, там в примерочной перед зеркалом произошло одно событие, убедившее меня, что я мертва, а все, что я вижу, плод моей больной фантазии, как у тех мертвецов, которых я видела на кладбище. Домик с огородом, радушные соседи, барбекю по субботам – очевидно, не мое.

Когда мы примеряли украшения перед зеркалом, горгулья очень долго на меня смотрела, а потом фыркнула и рассмеялась.

– Тебе сейчас всего-то сто лет, а выглядишь на десять тысяч. Ты даже не эльфийка, ты помесь полубогов и бессмертных тварей. Твоя прабабка ушла на пенсию незадолго до твоего рождения, и не старая совсем, у нее от поклонников отбоя не было. Бабка твоя, которая правление у нее приняла, в самом расцвете. Матери твоей едва пятьсот стукнуло, и она считалась у нас только-только вставшей на крыло молоденькой принцессой-валькирией. Осуждали за раннее замужество. Но причина быстро вскрылась – залетела. Кстати, в младенчестве у тебя были крылышки, уж не знаю, то ли от бабки-вампира достались, то ли от деда-полудемона. Обычно

у валькирий крылья белые, и появляются, когда Один в Валгаллу призвал – это его дар. А ты родилась с крыльями. Неужели ты никогда их не чувствовала?

– Человек я! Обычный человек! – закрыла я сказочную тему. И мысленно согласилась: а может, и не обычный – вон, как меня штырит!

– Встань сюда, – потребовала горгулья, поставив меня прямо перед зеркалом. – А теперь представь себя такой, какой чувствуешь. Без возраста. Твой вид сейчас – это защита в том мире. Вспомни, однажды ты видела себя другой!

– Это когда мы с мамой ругались?

Горгулья кивнула.

– Ага, а потом я всю жизнь боялась, что из меня это вылезет снова. Нет уж, пусть спит то чудовище. И вообще, мало ли чего может померещиться.

– Был еще один случай, когда твои крылья расправились, – не сдалась валькирия. – Дай той сущности выйти на волю! Это всего лишь настоящая ты. Сильная валькирия, одним ударом меча срубающая столетний дуб!

Уж не знаю почему, но, стоя перед зеркалом и глядя на свои обесцвеченные волосы с сединой у корней, на морщины и мешки под глазами, на свое дряхлеющее тело, мне вдруг захотелось, чтоб так оно и было. Тогда я напугалась, сейчас не верила, но, может быть, я действительно вернулась домой, и кто знает, а вдруг я не сплю? И неожиданно для себя вспомнила еще один случай. Это была не я, наверное, все было как во сне, еще в студенческие годы. Мы с подружкой присоединились к группе, сплавлявшейся по реке. Река текла между крутыми скалистыми берегами, и кое-где они поднимались метров на пятьдесят и выше. Мы поднимались на эти скалы, фотографировались, любовались с высоты пейзажами. На третий день пошел дождь, мы решили разбить лагерь. Ночью я ушла от всех, села на самый краешек. Светила огромная круглая луна, на другом берегу светились огни небольшого города, и я даже не заметила, как сзади ко мне подошел парнишка. Я вскочила, отступила назад, и вдруг почувствовала, как под мной проваливается земля.

Он не успел меня схватить.

Но я не разбилась. Я даже не отбила себе ноги. И не успела испугаться. Я вдруг почувствовала, что парю в воздухе и могу так парить вечно, и понимала, что этого не может быть. А потом я оказалась в воде.

Наверное, горгулья направляла мои воспоминания, потому что я вспомнила больше, чем помнила тогда. Я словно пережила этот полет снова. И когда открыла глаза и увидела себя в зеркале, даже не удивилась. В зеркале отразилась та, кем я себя чувствовала. Голубоглазая девушка, совсем как я в шестнадцать, только глаза у меня светились голубым огнем, а за спиной действительно расправились крылья, огромные и невесомые. Черные с желтыми и красными прожилками. И волосы стали темными, с красноватым отливом.

Ешкин дрын, держите меня семеро! Ощущение было запредельное. Может, еще ничего не потеряно, возможно, все еще в будущем?! Я не могла отвести от себя глаз, придирчиво высматривая морщинки на бледноватой, но упругой и молодой коже без единого прыщика.

– Другое дело, – рассмеялась горгулья. – Теперь вижу валькирию!

– А мешать не будут? – я попробовала пощупать крылья, но их как бы и не было.

– От кого бы крылья тебе не достались, они дар небес, их нельзя взять в руки. Иначе валькирий давно бы поубивали. Оторвать их могут только боги. Так что с богами лучше не связывайся. И демоны. Подозреваю, что они у тебя все же с демоническим содержанием, согласно генетической наследственности, хотя природа их не совсем демоническая. У чистокровных валькирий они белые, и с оперением, а твои темные, без оперения, но, когда их пытались классифицировать, выяснилось, что свойства их ближе к свойствам крыльев валькирий. Они менее материальны, чем крылья вампиров или демонов. В общем, что-то среднее между теми и этими.

– И летать смогу?

– Запросто.

И лишь на мгновение отвернувшись от зеркала, а там уже стою я, все та же, потрепанная жизнью и временем женщина в возрасте, о котором говорить не принято. Попробовала вернуть красоту и ощущение полета, долго пыжилась перед зеркалом, пытаюсь себя изменить, ага, как бы не так!

– И как это понимать?

– Не знаю, – расстроилась горгулья вместе со мной. – Наверное, должно произойти что-то такое, чтобы тебе очень-очень захотелось стать собой. Это я показала, кто ты. Но сама ты не готова принять, что ты валькирия. Мне жаль.

– Если б ты знала, как мне жаль! – в отчаянии выдохнула я.

Раритетный самаразогревающийся самовар оказался кстати, я вдруг почувствовала, что проголодалась. Горгулья слетала на огород, притащила корзину с фруктами, мед, освежающую тушку среднего размера какого-то животного, принесла воды и дров. Тушку разрезали и быстренько пожарили мясо в камине на шампурах, благо всяких шпaг, сабель и прочего железного хлама тут было предостаточно, заварили чай на местных травах. Утолив голод, принялись выбирать горгулье новый глаз. Выглядело это фантастически нереально. Она каменела, я вставляла камень в глазницу, она оживала, и, вуаля, получите новенький глаз, как с иголочки.

Аппетит приходит во время еды, ее вдруг шарахнула мысль поменять оба глаза, например, на сапфировые. В живую сапфировые получились небесно-синими, из изумрудов – зеленые... Потом были желтые камни, сиреневые, черные... В общем, горгулья долго не могла выбрать, пока я не предложила ей забрать и те, и другие, чтобы время от времени менять цвет глаз, согласно модным тенденциям.

Она отнекивалась, рассудив, что не по-человечески пользоваться моей добротой и наивностью, и праведные горгульи так никогда не поступят, но я напомнила о скопившемся за сто лет долге правящего дома за охрану целого города-крепости, за всех охранников сразу. Естественно, попросив больше не заводить со мной разговор о каких-либо долгах. Она обрадовалась. Посчитали. В местном зарплатном исчислении получилась приличная сумма. Она потребовала, чтобы я написала расписку, что выданные в зарплату камни не считаются даром. Я, естественно, согласилась. И в закрытие всей суммы отдала ей понравившийся эльфийский меч, мешочек золотых местной валютой, пару талисманов-оберегов, в которых ничего не смыслила, а главное, в силу не верила, и еще кой-какие безделушки, которые ей приглянулись.

Ну скажите на милость, зачем в сокровищнице хранить какой-то заношенный ошейник, пусть и с вышитыми золотой вязью рунами? Или зажилить скромное колечко, когда их тут тысячи.

Когда я проснулась, буду знать, что где-то там во сне осталась счастливая горгулья.

Счастью ее не было предела. Она разложила заготовки глаз в сундучок, отдельно сложила вещицы и золотишко, и утащила в свои тайники. Себе она пока оставила синие глаза, как у меня, сочтя, что одного поля ягоды должны иметь сходство.

Захватив оставшуюся еду и самовар с чашками, мы вернулись в домашний кинотеатр моего пращура.

– Тэкс, надо посмотреть, что стало с вотчиной, – предложила она, дожевывая шашлык. Аппетит у горгульи был волчий. От приличных размеров тушки не осталось даже костей. Она их перемолола худыми челюстями в один присест и облизала пальцы, сытно рыгнув. Сырыми. И заела овощем, не оставив толстой корки.

Господи, и куда в нее столько поместилось?!

И вот тут мы обе приникли к экрану, подползая на коленках к краю 3D-озера, подавившись едой.

Ничего хорошего, скажу я вам. Если б у меня были слова выразить всю глубину исторической трагедии, произошедшей тут столетие назад... да-да, потому как время тут двигалось в два раза быстрее – необъяснимый парадокс, ваши сердца и души окаменели бы от ужаса, как при просмотре фильма «Обитель зла».

– Подлая мерзкая тварь! – ужаснулась горгулья, посерев, как те ходячие мертвецы на экране. У меня в голове в это время стоял какой-то парализующий мутный туман, и кроме как смотреть на этот ужас, я ни на что более не была способна.

Планета ходячих мертвецов...

Одна мысль крутилась: «Смерть, где твой ад, Смерть, где твое жало?!»

В общем, победа над смертью была полная, и вылилась она в то, что люди перестали умирать. Даже после того, как их тело уже не функционировало. Конечно, в открытую местные зомби не набрасывались на живых, как в «Обители зла», или как пришлые из ада, но кому легче, если рядом ходячий труп, из которого вываливаются опарыши, льется гной и исторгается прочая инфекционная зараза. Даже сожженные (так и тянет сказать «заживо») не уходили на тот свет, оставаясь на земле в виде призраков. Порой живые и не знали, что среди них мертвец, пока тело не начинало разлагаться. А самое страшное, люди чувствовали боль до последней минуты, пока мозг хоть в какой-то мере фиксировал импульсы нервной системы, и, уже будучи мертвыми, корчились в муках, исторгая вопли в бездушное небо. Живые ограждались стенами в крепостях, ютились в недоступных пещерах, спускались в подземелья, лишь бы не контактировать с ходячими мертвецами, а еще хуже, не встретить зомби из ада, заброшенных на планету в качестве дестабилизирующего и ускоряющего процесс планетарной деградации фактора. Их, конечно, порядком проредили, но некоторые остались догнивать, прячась в лесах, в болотах, среди местных мертвецов, нападая на случайных путников.

А еще призраки здесь были какой-то другой природы, живучие и такие же голодные, как в то время, когда они были полусгнившими мертвецами.

– Да как же они костями двигают, сухожилия-то тоже гниют, – не могла я поверить в происходящее.

– Магия, – ответила горгулья голосом, в котором сквозил ужас. – Небесная магия.

Очень быстро нежить заполняла собой все пределы...

Кстати, надо отдать местным мертвецам должное, они сумели объединяться, собирая изгнанных умерших, и пока плоть гнила, опаивали и опрыскивали какой-то гадостью, отключая рецепторы. Поэтому живые, сообразив, что просто так мертвецов отпускать нельзя, пропускали тело через мясорубки и дробилки, сушили фарш на солнце и сжигали, чтобы остался только призрак. От этих призраков по ночам было светло, как днем, ведь большинство возвращались к своим семьям, охраняя родовое гнездо от других призраков. Чтобы чувствовать себя живым, им нужна была энергия, и частенько гниды присасывались к спящим во сне, предпочитая вонзять зубы в соседей.

Не буду утрировать, все было не так страшно, как это случилось бы на земле, и на то было несколько причин.

До трагедии планета была достаточно развита. Здесь имели представление и об электричестве, и двигателях, и атом для них не был чем-то таинственным и запретным, хотя цивилизация развивалась медленно. Им просто цивилизация в таком количестве, в каком процесс ее развития проходил на земле, был не нужен. Отличные дороги, прекрасное образование, развитая медицина и магическая составляющая, когда не надо покорять космос, можно просто шагнуть из мира в мир. Этот мир гармонично совмещал в себе и древнюю первозданную чистоту и достижения самых развитых цивилизаций. И все это появилось здесь задолго до того, как человек на Земле удостоился чести называть себя *Homo sapiens*. При этом планета не превратилась ни в муравейник, ни в мусорную свалку. А все дело в том, что здесь проживало несколько рас – и все долгожители. Дети здесь рождались редко, зато каждый ребенок считался даром богов.

В целом на планете проживало на порядок меньше людей, чем на земле. И им всего хватало – и земли, и еды, и работы, и к старости каждый успевал обустроиться, обеспечить себя всем под завязку, а еще обзавестись несколькими поколениями потомков, которые свято чтили стариков.

Если переводить на наш язык, то первыми шли эльфы. Этакие изнеженные аристократы, любимчики Одина, баловни судьбы, долгожители – средняя продолжительность эльфа-простолюдина без божественных корней и крови составляла около пяти тысяч лет. Из них получались высокочеловеческие врачи, учителя, чиновники. А вот воины из них были так себе. Только двумя причинами могу объяснить тягу Одина к эльфийкам: первое, женщины были красивы – стройные, высокие, я бы даже сказала, грациозные, как лани. И знойные. А второе, он ни в счет не ставил эльфийских мужиков, поэтому одаривал их рогами без зазрения совести. А тем ничего не оставалось, как принять эту данность и гордиться своими рогами. Для них было честью узнать, что дочь пополнит ряды валькирий, а если простолудин, еще и возможность получить княжеский титул. Основная их функция на планете – хранить мир между расами, обеспечивать процветание, тянуть остальное народонаселение к свету, лечить болезни телесные и душевные.

Три другие расы – орки, гоблины и гномы – были воинственными и, на мой взгляд, грубовато скроены. Коренастые, раздражительные, живущие, как правило, обособлено, воинственные. Эти расы имели тягу к бродяжничеству. Отличал их только рост. Гномы были маленьким народцем, зато по горам лазили, как тараканы. Я даже заподозрила, что на ладонях у них имеются присоски, настолько ловко они взбирались по отвесным скалам. Орки, те были ростом с человека. А гоблины рост имели высокий, хоть и не тянули на великанов. При этом орки населяли долины и степи, занимаясь скотоводством, гномы – горы, добывая полезные ископаемые, а гоблины – леса и скалистые предгорья, поставляя строительные материалы. Конечно, и среди них были высокородные правители, а в возрасте они успевали остепениться, предпочитая блага цивилизации и городскую или пригородную жизнь со всеми удобствами, но только не в молодости. При этом родители легко отпускали едва оперившихся отпрысков искать на пятую точку приключения, и, как любые родители, гордились, если отпрыску удавалось чего-то добиться. Маги среди них были редкостью, но были, и этим они тоже гордились, а продолжительность жизни была как у местной расы людей, три – пять сотен лет. Из них получались отличные предприниматели, к концу жизни процентов семьдесят имели небольшой, но доходный бизнес: заводик, харчевню или трактир, гостиницу, строительную фирму. Они фактически обеспечивали правительству планеты бюджет.

Еще одна обособленная раса – оборотни. Уникальный народ.

– С этими как раз все просто, – объяснила горгулья. – Это внуки сына Одина Локи, дяди твоего. Замутил с великаншей, и родила она ему волка Фернира. Ролевик-извращенец, честное слово! – выругалась она. – Поговаривают, именно Фернир должен убить Одина, поэтому тот держит его на цепи. Ну, я бы тоже мечтала убить, если б сидела на привязи. Так вот, валькирия одна, из наших, носила ему еду, что от пьянок оставалась. А он ее отымел! И родился целый выводок полулюдей, полужверей. Наследственность – сам Один не разберет. И эльфийская кровь, и дважды самого Одина, и Фригг, и сына их Локи, и волка Фернира, и великанши той... Они у нас почтой заведуют – быстро, надежно, безопасно, леса от пожара берегут, зверей охраняют, а если орки и гоблины в разнос пошли, быстро порядок восстановят. В охрану их охотно берут, силушка не мерянная. А уж следаки из них – ни один маг не скроется, носом магию чуют. Магия у них в крови, только своя, такой магией больше никто не владеет. Кстати, иные Одина охраняют, любит он их, они ему и внуки по матушке и правнуки по батюшке, и Фригг души в них не чаёт.

Оборотни тоже были долгожителями, жизни им боги отмерили до пяти тысяч лет, а те, которые у Одина служили, могли считать себя бессмертными, как валькирии.

Люди – человечки, считались здесь пришлыми, но им лучше было об этом не напоминать. Других планет для них не существовало. Земля богатая, планета сытая, богами благословенная. Раса людей оказалась уникальной, они были годны на все. И как работники, и как строители, и маги среди них рождались сильные, и предприниматели из них получались удачливые, особенно связанные с мореходством, и легко скрещивались со всеми расами, перенимая способности и таланты. С некоторых пор человеческая раса стала, пожалуй, самой распространенной, умея приспособиться и выжить в ареале любой другой расы, поэтому Один, чтобы сохранить равновесие, чуть-чуть подправил им генетику, забрав способность быстро плодиться и размножаться в обмен на долголетие. По нашим меркам, здесь они могли считаться долгожителями, некоторым было за восемьсот, а выглядели как огурчики и до смерти им было еще далеко.

Еще одна примечательная раса с историей – вампиры.

Вампиры – сыны богини ночи Изиды и никому не известного демона, прилетающего на свидание к любимой в образе летучей мыши... Кстати, этот образ и любовь к кровушке богиня оставила им, как напоминание о папаше, который как в воду канул, узнав о беременности, и она заподозрила, что любимый женат – и далеко не на простолюдинке, потому что никакими божественными радаром обнаруживать концы любимого ей не удалось.

Так вот, на планете, подаренной богиней, или где божественная мать их просто бросила умирать, – а родилось их, слепых, покрытых шерсткой, двенадцать особей мужского и женского пола, – они жили долго и счастливо, пока однажды на планету не упал метеорит, чуть сдвинув наклон земной оси. В результате катастрофы содержание кислорода в атмосфере резко понизилось, на огромной территории погибли тропические леса со всей живностью – их родная среда обитания и источники пищи – климат стал сухой, резко-континентальный. Тогда-то они и решили позволить обосноваться на их планете жалким людишкам. В обмен на кровь. Из всех тварей, люди были единственными, с кем в плане физиологического строения оказалось полное совпадение кровяных тельц. Крови им вообще-то требовалось немного, пару литров в месяц, чтобы держать в норме гемоглобин. При этом ни одна группа крови не отторгалась, расходуясь экономно, но рано или поздно, поскольку температура их тела могла стать или намного ниже (по матушке) или выше (по батюшке) человеческой, человеческие кровяные тельца выгорали и организму требовалась новая порция крови. Для вампира температура тела в пятьдесят градусов – норма, для человеческих кровяных тельц – смерть, то же самое, если понизить температуру до нуля градусов. Вампиры просто впадали в спячку, а кровяные тельца человека разрывало льдом. И поначалу договор соблюдали обе стороны. Но очень скоро люди о нем забыли – и начались жесткие гонения на коренное население. Невзирая на то, что силушка у вампиров была немеряная и они умели оборачиваться в летучих тварей, количество их резко сократилось.

На клановой сходке было принято решение не бороться за планету. Они и так прославились во всех мирах незаслуженно кровожадностью, поэтому массовая резня могла лишь усугубить их репутацию, и тогда для них закрылись бы двери всех миров. Тем более, оставшись на планете без людей, они лишь приблизили бы свою смерть. Конечно, обидно им было, что матушка прокляла их за утраченную невинность вместе с батюшкой, батюшка остался мистером X, а другие боги к ним не заглядывали, но былого не исправишь, тем более, если не твое решение определило судьбу.

Ближайшей планетой, где они могли себя чувствовать более-менее сносно, оказалась Терра. Близкие спектры у светил, выше содержание кислорода, много мест, где они могли чувствовать себя как дома. И когда они попросили позволить им на время остаться, пока разведчики ищут новый дом, им не отказали. И вампирам даже удалось найти планету, где они могли дышать без подпитки кровью, но к тому времени желающих покинуть Терру оказалось немного, потому что проблема их фактически была решена.

Перед тем, как им заселиться на Терру, чтобы исключить малейшее желание на кого-то напасть, Один подарил им домашнее животное, типа свиньи, чья кровь им подошла больше человеческой. Теперь они могли жить где угодно, на любой планете в любом из миров. Но Терра стала для них священным местом – домом, в котором они обрели заступника и познали родительскую заботу.

Прошло время, и вампиры гармонично вписались в местную цивилизацию, обогатив ее своей культурой, своим колоритным генофондом, мирно сосуществуя с остальными расами. Жили кланами в замках, по большей части уединенно, занимались скотоводством, врачеванием. Адская смесь: маг-телепат, умеющий просканировать тело человека как рентген, а врожденными способностями к магии обладали почти все вампиры. Много их служило при дворе в качестве боевых магов.

Жизни вампирам боги отвели, как и эльфам с оборотнями, от трех до пяти тысяч лет, но некоторые жили вдвое дольше.

Две последние расы обитали здесь с незапамятных лет, но местными себя не считали. Демоны домом считали нижний небесный мир, а драконы газовые туманности, в которых формировались галактики и позже звезды. Драконы были настолько долгоживущими, что впору назвать их бессмертными. Старейшины эльфов помнили, как в их молодости тогдашние старейшины рассказывали, как их старейшины учились у ныне живущих представителей этих рас. У драконов была своя миссия – они хранили историю – историю богов, историю вселенной. Этакая ходячая библиотека. Платная. Истории они рассказывали только за золото и драгоценные камни, иногда за тушку животного. И когда у драконов спрашивали, планируют ли они вернуться куда-нибудь в другое место, отвечали: «Сразу же, как только соберем все золото или конец света наступит».

И, похоже, он приближался.

Из разговоров драконов стало ясно, что они как раз собирались свалить, только не знали, как.

Драконы были первыми существами, кого создали боги. Еще на заре вселенной, когда газовые туманности не стали галактиками и звездами. Потом боги одарили их способностью становиться людьми, чтобы люди не боялись их, видели в них помощников и не пытались их уничтожать. Но хотя бы раз в двести – триста лет каждый из них нуждался в подзарядке и обновлении драконьей сущности звездной материей. Они поднимались выше атмосферы, летели на звезду, и там, сбросив старую драконью кожу, молодели, а если повезет, спаривались, откладывая драгоценные яйца. После этого они обретали силу, достаточную, чтобы снова жить среди людей несколько сотен лет. Как правило, вблизи вулканов, чтобы поддерживать свое драконье естество. А когда Иштар закрыла планету, доступ к звезде тоже закрылся. Молитвы не помогали, их просто никто не слышал. Даже к правящему дому валькирий, расположенный на планете, добраться не удалось. Место, где стоял замок, будто провалилось в бездну. И впервые за свое драконье существование в их обществе царил паника – многие готовились к смерти.

И только демоны чувствовали себя вольготно. Столько ходячей еды у них не было никогда. Даже в аду они так не обжирались душами. Тут тебе и праведные, и неправедные, и невинные – и еще спасибо говорят. И поистине она взяли на себя великую миссию санитаров планеты от обезумевших от голода и безнаказанности призраков. Но демонов на планете было немного, несколько очеловечившихся родов, они попросту не справлялись, желудки у демонов оказались не безразмерные и не луженые. А расплодиться и размножиться в чистом виде, они могли только в нижнем мире, в противном случае рождались только помеси демонов и той расы, с которой они смешались. Помеси пожирать сущность человека не могли, и даже демон-демон, выношенный и рожденный в земных мирах, рождался очеловеченным, утрачивая многие свойства истинного демона нижнего мира. В нижнем мире такие рожденные могли занимать лишь низшие ступени иерархии, поэтому мало кто возвращался к своим истокам, пожив

в срединном мире, и немногие демоны отваживались поселиться в земных мирах. Вот так ад, устроенный богиней Иштар, для одной из рас обернулся раем. Но и они были не рады переменам, объективно оценивая скорую гибель планеты. Конкретно, тот демон, читающий в ванне древний гримуар, пытался объяснить себе явление ходячих мертвецов и способ борьбы с ними.

Да, была еще тут сказочная нечисть, типа водяных с русалками, лешие с кикиморами, болотники, домовые, но с людьми они почти не контактировали, даже для местных оставаясь существами из сказочной реальности. По большей части считалось, что они приходят из другого мира через свои порталы за удовлетворением своих потребностей. Затаривались утварью, тканями, механизмами и приспособлениями, типа ткацких станков или безделушками, а потом надолго исчезали. В друзья не набивались, в гости не звали и вели себя как законопослушные граждане.

Была тут, правда, раса водяных – ундины, обитавшие в трех океанах Терры, поставляющие на континенты и многочисленные острова рыбу и прочие дары морских и океанских глубин, иногда сопровождающие караваны судов, но ундины, как и горгульи, не считались людьми, поэтому контакты их ограничивались с немногими представителями, в основном, приближенных к правящему дому валькирий, курирующие рыбопромысловую отрасль и судоходство.

В общем, будь такая оказия на Земле, мертвецы уже давно захватили бы мир, но в свете долгой жизни местного населения, трагедия еще не успела перерасти в планетарную катастрофу. А в свете магической составляющей их бытия и также частого контакта с богами, их не удивляло само присутствие мертвецов или призраков, не став дестабилизирующим фактором. Народонаселение Терры смогло быстро организовать, отлавливая ходячие трупы, чтобы достать призрачную основу и скормить ее демону. Но катастрофа медленно приближалась, особенно в свете того, что сожрать душу мог только чистокровный демон, которых было немного, и, в общем-то, не так уж много за один присест, и что с некоторых пор обозленные и голодные мертвецы начали набрасываться на живых, ведомые мертвецами из другого мира, сумевшие кое-где перехватить лидерство, картина выглядела удручающей.

Глава 5

Я вернулась на трон, пытаюсь осознать увиденное. Все это напоминало фильмы ужаса, которые я включала и смотрела в полглаза, испытывая необъяснимый страх. Пыталась в это время занять себя работой: пыль протирала, посуду мыла, полы, читала параллельно юмористическую книгу – главное, не дать себя затянуть в киношную реальность. «Восставшие из ада» так и пылились на полке в заводской упаковке.

Мне и в реальной жизни бытовых ужасов хватало.

Однако, все познается в сравнении...

Горгулья сидела потрясенная, бледная и напуганная. Вид у нее был жалкий, придавленный. Бледно-серая, как призрак, с глазами, устремленными в пространство, полными ужаса и отчаяния.

– Сочувствую, правда, от всего сердца. Мне жаль... – я не знала, что говорить в этом случае. Смахивало на похороны, а я вообще старалась такие мероприятия избегать. – Соболезную. Мне, наверное, домой пора. Там собаки голодные и кот.

– Бросишь меня? – беззвучно прошептала она. – Я сто лет ждала... Народ свой бросишь? Он верит, ждет... Ты не можешь уйти! – голос окреп, она взглянула на меня с надеждой.

Наивная.

– Послушай... там у вас маги и мудрецы не знают, что делать...

– Не бросай меня! – всхлипнула горгулья. И вдруг унижено кинулась в ноги, обхватив их руками. – Я не хочу остаться одна... Я верю, вдвоем мы сможем... Одина, прадеда твоего попросим, праматерь мою, Фауну... Вдвоем найдем способ... Возьми меня с собой! – завывала она, а я растерялась.

– Ты хоть представляешь, что за мир в моем мире?! Поверь, к нам боги не заглядывают, они вообще нашу планету обходят стороной! Если хоть кто-то догадается, кто ты, тебя поймают и расчленият на опытах! – я пыталась ее вразумить, серьезно представляя опасность. – У нас лет пятьсот последнюю нечисть вывели и последнюю ведьму сожгли! Ты хочешь, чтобы я тебя на смерть забрала?! А как я тебя через завесу перетащу?

– Лучше смерть! – взывала горгулья, не отпуская ноги.

Не вняла моим предупреждениям.

– Ну ладно, ладно... – я вдруг поймала себя на том, что я как-то легко соглашаюсь, но мне было отчаянно жаль горгулью, которая здесь останется совсем одна. – Попробую, только тележку надо, легкую. Если в камень обратишься, может, прокатит. Сдастся мне, она только на живых действует... Сорочка на мне целая осталась. Правда, непонятно, почему не действует на меня, – я задумалась, но ответа не было. – И потом, смогу ли я тебя в портал затащить? Я просто просыпалась. Не могу же я и тебя разбудить.

– Разберемся! Шчас пойдем в библиотеку и разберемся! – торопливо собралась горгулья. – У меня амулет остался, тот, старый, а в сокровищнице их целая куча! Надо только понять, куда какой выведет.

– А у меня три дня осталось. Полтора, то есть, по-нашему. Мне в понедельник на работу. Если меня уволят, помрем с голоду – и ты, и я, и собаки. И от холода! До зимы месяц, а у меня ни дров, ни денег на дрова. И туалет на улице. Не боишься себе что-нибудь отморозить?

– У меня шкурка теплая, – разом преобразилась горгулья, нарастив длинную шелковистую шерсть.

– Вот за эту шкурку на тебя и будут охотиться, – пробормотала я.

Время близилось уже к вечеру. Мы поужинали в сокровищнице. Горгулья рылась в сундуках и коробках, собирая сокровища нам в дорогу.

Я посмеивалась, а что мне оставалось?

– Драгоценные камни, типа алмазы, топазы, рубины и изумруды можешь сразу здесь оставить. Чтобы их продать, нужны сертификаты, а их нам никто не даст. И не купят. Уголовно наказуемо. И за хранение, и за сбыт, и за обработку. Если мы на камень или самородок наступили, обязаны государству сдать. И ему решать, бесплатно забрать или по дешевке купить. А потом выпишет сертификат и продаст олигарху, который продаст камень уже за миллионы на аукционе.

– Это же не справедливо!

– А жизнь – она вообще не справедливая.

– Но я все-таки возьму, – кидала горгулья в мешок очередную драгоценность. – А золото тоже нельзя?!

– Ваша валюта в нашем мире не котируется. Можно, конечно, заложить в ломбард золотые безделушки, но опять же, кто их возьмет без пробы. Установленного образца. А если мы пойдем к государству ставить пробу, нас спросят, где мы все это взяли.

– Это кто придумал такие жадные законы?

– Воры, олигархи, жулики... У нас миром правят капиталисты. Держать в черном теле народ они умеют. А я даже не народ, я так, отброс общества. Меня ошипали, высушили и выбросили. И прабабушка твоя не поможет, потому что у нас уже тысячи лет ни одного нового существа не появилось, все звери и растения можно в красную книгу заносить. Это у вас мертвецы – живые, а у нас живые, как мертвецы.

– Прорвемся!

Горгулья собрала в мешок драгоценные камни, ценные украшения, золотые в платиновой оправе, которые здесь считались самой дорогой монетой. Еще были золотые с серебром, серебряные, серебряные с медью и каким-то золотисто-розовым металлом. В этот же мешок смела амулеты, талисманы, магические накопители, и другую полезную, на ее взгляд, дребедень.

После ужина отправились провожать закат.

Красота неопишутая. Многие растения здесь светились, в воздухе летали жирные светляки, а когда солнце зашло окончательно, по земле расстелился молочно-белый светящийся туман с радужно-сияющими очертаниями деревьев, возвышающихся исполинами. Было слышно, как внизу перекрикиваются ночные птицы, порывают призывно животные, квакают по земному лягушки, и было как-то не по себе, когда взгляд останавливался на отсвечивающих багряным светом стеклах окон, будто в залах и отдельно стоящих домах на нижних уровнях горел свет.

Потом горгулья отвела меня в якобы мои покои.

Детская, заваленная игрушками, подушками, побрякушками, оказалась относительно небольшой, по сравнению с остальными виденными помещениями. Шкафы в гардеробной набиты детской одеждой, пеленками, памперсами. И кровать под голубым балдахином посередине. Спать взрослой мне тут было негде, поэтому решили подыскать что-то другое.

Кладовка горгульи, отведенная ей родителями, располагалась через коридорчик из небольшой приемной-прихожей перед вместительной гостиной. В боковом отделении были еще семь комнат и запасной выход в хозяйственные помещения. Три самые большие комнаты использовались для проживания и отдыха прислуги, две – в качестве кладовок, набитые всякой хозяйственной всячиной, еще два помещения, одно – санузел, второе – небольшая кухня на тот случай, если хозяевам потребовалось что-то разогреть или приготовить заранее. Здесь же располагался бар, но сейчас он был пуст, потому что кто-то, и этот кто-то стоял рядом со мной, за сто лет опустошил все бутылки.

Комнатушка горгульи оказалась совсем маленькой. Три на три метра, с открывающимся узким высоким окном. На полу – плетенный лежак с перинкой, высокий и не широкий шкаф, украшенный зелеными фигурными вставками, для, опять же, всякой всячины, поскольку

одежду она не носила. Безделушки, игрушки, камушки, больше похожие на сувениры. На одной стене – зеркало со светильниками по бокам, которое визуально увеличивало кладовку вдвое.

Даже при таких небольших габаритах комната казалась пустой.

– А где стол, где стулья, где непосильно нажитое добро?

– А зачем? – удивилась горгулья. – Главное, окно есть! Мы в казарме все вместе жили, спали на соломенных тюфяках. А это мне твои родители подарили, – присела она на плетеный лежак-диванчик. – И это, – указала она на зеркало.

Горгулью распирало от гордости.

Как немного кому-то надо.

Ну а что, я бы может тоже гордилась, если б мне предложили: тепло, светло и мухи не кусают. Туалет и душ напротив, на общей кухне помереть с голоду не дадут. Определенно она устроилась лучше меня.

– Я на твоём коврике спать не буду! – отказалась я от её предложения. – И ты пойдешь со мной, а то я тут одна со страха помру.

Апартаменты родителей оказались огромными, с широкой резной кроватью. Одна дверь вела в ванную, вторая в туалет, три двери вели в гардеробные. Гардеробная отца – поскромнее. Из спальни по лестнице рядом с гардеробной отца, можно было сразу перейти в рабочий кабинет этажом ниже. Гардеробные матери состояли из двух смежных комнат по другую сторону спальни, с тьмой-тьмушей нарядов, украшений, обуви, косметики и прочими женскими штучками.

Среди прочего горгулья нашла альбом с фотографиями. Со мной, пухляшечкой. Такой очаровательный младенец с небесно-голубыми глазами и золотыми волосами, цвета выбеленной соломы. Да, я помню, в детстве у меня действительно были желтовато-белые волосы. Золотая коса, которую мать отрезала, когда не смогла её расплести и расчесать, долго хранилась на чердаке. И почему-то сразу после этого волосы у меня почернели. За одну ночь.

Мама на фотографиях выглядела красавицей. Совсем как я в семнадцать, только глаза зеленые. Вздёрнутый нос, овальные правильные скулы, золотые волосы, черные брови вразлет, соблазнительные формы. Цвет глаз достался мне от отца. Он казался постарше матери, серьезный на вид мужчина лет тридцати. Она против него девочка совсем. Взгляд пронзительный, серьезный, волосы черные, глаза голубые, в меру худощав, высокий, сильный.

– Этой девочке пятьсот лет, а отцу около двухсот, – усмехнулась горгулья.

– Я все равно не могу поверить, что это я, – я отодвинула альбом с чужими лицами. – Возможно, ты нашла бы свою принцессу в моём мире, только боюсь, что усну и проснусь в своей кровати, а ты останешься здесь, а я буду переживать, как ты, что с тобой.

– Наверное, твоё не полное перемещение было как-то связано с завесой, но сейчас ты здесь, я это точно знаю.

Горгулья оказалась права: я проснулась рано утром, она дрыхла тут же, на спине, растянувшись во весь рост и раскинув лапы, похрапывала с громким сопением и повизгиванием. Ещё и лапой дрыгала. Совсем как мои псы иногда.

Я легонько подергала её.

Она испуганно вскинулась, увидела меня, заулыбалась.

За овощами и фруктами на завтрак пришлось отправляться ей, у меня спуск туда и обратно занял бы как минимум полдня, а она вернулась минут через пятнадцать. Затопили камин прямо в спальне, сюда же притащили самовар и посуду. Пока она готовила завтрак, я умылась, переоделась. Вещи матери оказались мне маловаты, пришлось воспользоваться гардеробом отца. Нашла удлиненную рубашку – сошла за платье. С обувью только был напряг: у отца стопа большая, у мамы маленькая. Горгулья куда-то сбегала, принесла мне туфли на невысоком каблучке и тапочки.

После завтрака отправились в библиотеку.

Это надо видеть! Библиотека занимала огромную площадь из десятка залов, заставленных стеллажами, с миллионами всевозможных книг, рукописей, фолиантов. Горгулья объяснила, что здесь они как бы законсервированы, но некоторые экземпляры были под дополнительной защитой, накрытые стеклянными колпаками. И все в идеальном порядке.

Я уныло смотрела на бесконечную череду стеллажей, понимая, что найти здесь можно только свою смерть. Чтобы прочитать сотую часть того, что здесь находилось, потребовалась бы сотня моих жизней, даже если читать ударными темпами по пять – десять книг в день.

– И где мы полезную литературу найдем? А главное, как прочитаем, я ж читать повашему не умею. Я английский всю жизнь учу, так и не выучила.

– Ты и наш язык не знала до вчерашнего дня, однако, разговариваем. У рода валькирий есть свои преимущества. Ты в родстве с Одином и норнами, – горгулья тоже была в растерянности. Очевидно, она здесь была впервые. – Когда будешь искать то, что нам надо, бери то, что захочется, – посоветовала она. – Даже если боги сейчас не с тобой, они наверняка оставили подсказки.

– Ага, – я рассмеялась, – а что же они не предусмотрели нападение и не предотвратили его? И власть на земле позволили захватить самым поганым и извращенным умам? Нам только все залы обойти потребуется недели две. Нет уж, давай искать как положено в библиотеках. Картотека тут есть?

– Есть! – горгулья радостно потащила меня в первый зал.

Ага...

Куча шкафов с карточками. По буквам. По тематике. По важности. По ценности. Но таких шкафов с карточками было не меньше трех залов. И тут меня снова понесло. Я смотрела на запись, и внезапно начинала понимать смысл, а потом вдруг непонятные закорючки становились понятными и знакомыми.

– Память проснулась, – объяснила горгулья. – В детстве тебе показывали буквы и объясняли, что они значат. Как у валькирии, у тебя должна быть феноменальная память, но травма головы, когда тебя ранило осколком, перекрыла доступ к информации. Я не понимаю, почему в тебе магия не проснулась до сих пор – у тебя все родственники маги, это у вас семейное. Может, попробуешь какое-нибудь простенькое заклинание?

– Давай про голову мою горемычную не будем, и про магию тоже, нет ее во мне, иначе я давно бы в своем мире нашла мешок с деньгами и жила припеваючи, – посочувствовала я себе. – Ты ищи информацию о битвах богов, какими какашками они друг в друга кидали, а я буду искать о магических проклятиях. Кстати, я тут подумала, а вдруг эту завесу не Иштар создала, а кто-то из ваших, чтобы перекрыть портал, из которого мертвецы вываливались? – оторвалась я от перебирания карточек. – Дворец-то в тишине и покое стоит, целый совсем. И солнышко светит. И на планете вроде не царство ночи. Тьма там, за завесой, которая, возможно, окружает замок. Чтобы понять, что это такое, нужно выяснить ее форму. Если она пронизывает планету насквозь...

Я нарисовала примерную форму тьмы в виде оси-воронки. Получалось, что часть земли, где находился замок, был в эпицентре, а вся остальная планета за нею. И по схеме выходило, что над замком небо было относительно чистое, а всю остальную планету накрыло, хоть и слабо. Народ воздействия явно не чувствовал, но при этом жизни их могли здорово укоротиться.

– Тогда она привязана к ядру планеты, – сделала я вывод.

– Ты хочешь сказать, что люди начнут умирать раньше, чем планируют?

– Стопудово. Если эта дрянь мгновенно высосала жизнь у всех, кто попал в нее, то ее слабое воздействие может оказаться таким же смертельным.

– Если она такой формы, – я нарисовала сушку, – значит ее держит что-то в замке. И этот артефакт должен чем-то подпитываться, потому что генерировать такое поле... Что здесь

есть такое, что может бесконечно генерировать энергию? Водопад, – ответила я сама себе. – Кстати, вода эту завесу спокойно преодолевает.

– Тогда почему не могут взлететь драконы и убраться в мир иной души? – не согласилась горгулья. – И почему боги нас не видят? Есть еще вариант, что небесный мир и мир подземный, я имею в виду, по ту сторону – ибо материальный мир как бы перекресток между ними, прослойка, подушка, изоленка – закоротили напрямую. Замок остался по эту сторону, а вся остальная планета по другую. А завеса – некое поле – генерируется переходом. Поэтому ни боги сюда, ни души туда.

– Тогда я тогда не понимаю, почему работает портал, через который я сюда пришла. И не факт, что отсюда драконы не смогут стартовать. Проверить-то мы не можем.

– Потому что путь в него никто не закрывал, кому он в пылу битвы был нужен, – предположила горгулья. – Кроме того, он соединяет земные миры, и амулет перехода не привязан к вещи, ты сама и есть амулет, – она показала на знак на моем предплечии в виде звезды, которую я всегда считала родимым пятном. – Родители предполагали, что вещь ты можешь потерять, или амулет могут отобрать, или поменять место жительства. Они хотели, чтобы ты могла вернуться при любых обстоятельствах. И сейчас портал остается открытым как бы из твоего мира, хотя здесь он привязан к определенному месту. Меня больше интересует, почему там драконы не могут подняться на звезду. Небо-то вроде чистое.

Я пожалала плечами.

– Может, крылья у них силу черпают в одном из закрытых небесных или подземных миров? Ну не летят же они со скоростью света напрямик через вакуум миллионы километров. Сдается мне, астрономию я знаю получше, чем вы вместе взятые. Вам с планеты на планету, как на променады сходить, так что астрономия вам, как телеге пятое колесо. Скорее всего, какими-то порталами пользовались, и открывать их могли по желанию. Об этом надо у драконов спрашивать. У вас тут никакой связи с внешним миром, случайно, не было, что-то типа телефона? Не поверю, чтобы, зная о такой связи, вы от нее отказались.

– Была. Только она не работает. Я пробовала позвать на помощь. Правда, есть еще способ, только я воспользоваться им не могу.

– Стеклоанное озеро? – догадалась я.

Горгулья кивнула.

Через пару секунд мы бежали в чертог Одина.

– Кого вызывать будем? – я-то тут вообще никого не знаю. – А, главное, как их вызвать на связь? Мы их видим и слышим, а они нет.

– Нужно встать на середину экрана, тогда они увидят отражение и услышат, что им скажешь. Один так со смертными общался, видела пару раз, – лицо горгульи сияло.

– Не-не, не встану! – заупрямилась я. – Здравсте, я – ваше величество, бабушка валькирия сорока пяти лет отроду, наследница и владычица ваша... – охренеют и попадают со смеха. Тут у вас любой младенец на порядок старше меня.

– Я помогу тебе стать валькирией. Ненадолго смогу, наверное. Сил много нужно, чтобы удержать чужое сознание в определенном состоянии. Человеческое легко, а твое управлению плохо поддается.

– А как меня звали? Если я своим именем назовусь, они не поймут, что за наследница. Когда я родилась, миру, наверное, об этом поведали... пушки там, салюты, праздник, пир на весь мир, или скромненько все было?

– Праздник был, да, неделю гуляли. У меня глаз как раз тогда и украли. А имя твое Мирмира, что значит Миру Мир. Родители, когда сюсюкали, Мирочкой или Мирок называли.

– А что сразу не Мир-Май-Дружба или Пролетарии-Всех-Стран-Соединяйтесь? Мира, значит. Ну, ничего так имечко, – посмаковала я его вслух. – Кстати, а тебя как зовут? А то все ты да ты...

Горгулья густо покраснела, потом вздохнула.

– Горгулья, так и зовут. Я ж не человек. В личном деле – существо неопределенного вида с демоническими свойствами, и каталожный номер. Еще Каменюкой называли, прозвище такое, или Грымлей. Да нас всех, так и зовут, мы ж на одно лицо.

– Будешь Гуля, – решила я. – Каменная Гуля Фауновна. Пращура твоего, Кхорна, помянуть не будем, а то помяни его... Для меня ты еще какой человек, а человеку без имени нельзя.

Очень хотелось увидеть себя в зеркале. И зеркало материализовалось прямо за озером. Все время забывала про чудесное свойство этого ледяного помещения. В зеркале отразился какой-то кошмар, хоть и приводила себя в порядок все утро. Опять мешки под глазами, волосы во все стороны торчат, тело какое-то бесформенное.

Расправила плечи, дожидаясь, когда отрастут крылья.

Гуля аж вспотела, взывая к моему сознанию. Наверное, ей было не легче, чем мне, когда я ползла в этот мир через барьер. И у нее получилось. Я снова вспомнила в мельчайших подробностях то мгновение над пропастью, ощущение полета – и осталась в этом состоянии, стараясь его удержать.

Вышла на середину озера по стеклянной поверхности.

– Мне драконов, пожалуйста, – попросила Всевидящее Око.

И внезапно оказалась в спальне демона Граммуля. Он развалился на кровати в окружении трех прекрасных гурий, ласкающих его бицепсы и кубики на животе, одна так вообще вылизывала пятки и посасывала пальцы ног. Ублажал себя мужик со знанием дела, ни в чем себе не отказывая.

Козел!

Я что, думала о нем?

Горгулья не удержалась и прыснула, но тут же стала серьезной, напряженно медитируя.

– О, боги, что за прекрасное видение?! – опешил демонический князек, соскакивая с кровати, глядя куда-то вниз, напротив себя. Прекрасные гурии попадали с его тела. Я тоже глянула вниз и увидела себя, внизу, на уровне ниже, нет, не вниз головой, просто моя немного призрачная копия стояла в его комнате.

– Это... кхе, кхе, – я на мгновение растерялась, прокашливаясь. В горле что-то запершило. Не могла понять, то ли мне было стыдно смотреть на его обнаженный торс, то ли хотелось сунуть денежку в трусы за стриптиз. Заставила себя собраться с мыслями, увидеть в этом «вообще-то очень даже ничего демоне» обычного черта с рогами. – Я наследница дома Брунгильды, валькирия Мирмира. Вещаю с дворца... – хотела сказать название, но, оказывается, забыла поинтересоваться у горгульи, как город-крепость называется. – Хотела спросить, нарыл что-нибудь? Сведения какие-то о чертовщине, что творится здесь? Только быстро и по делу, связь может оборваться.

Демон на мгновение завис.

– Поглядывала что ли? – опешил он.

– Случайно. Случайно вышло. Прости. Кое-что искали, оказалось у тебя в сокровищнице лежит.

– Что именно? – подозрительно поинтересовался он.

– Глазик моей стражницы и подруги. Верни при случае. Нехорошо чужое брать. Если что, выкупим.

– С удовольствием, – демон явно тянул время, разглядывая меня. – А я думал, все валькирии погибли. А где Валькирьев город-дворец и гора Одина? Приличную территорию найти не можем.

– Не все, я, как видишь, осталась. Дворец тут, только по другую сторону. Так нарыл-то что?

– Ничего. Не было такого, чтобы ад и рай оказались отрезаны от мира. Вот проходы между мирами – другое дело. А тут и то, и другое. А вы, Повелительница, вечером что делаете? Может посидим, пообщаемся? Покумекаем над дилеммой... – он засуетился, выталкивая гурий из спальни и принимая человеческую форму, тоже с крыльями, обвязываясь простыней. – Обсудим, так сказать, сложившуюся ситуацию.

В человеческом образе он был нечеловечески хорош. Особенно завораживающий пронзительный взгляд, из-под черных вразлет бровей. И сохраненные пропорции идеального накаченного тела. Правда, смотрел он не на меня, а на мою копию. Я вспомнила, как выгляжу на самом деле, представила его реакцию, если б явилась как есть, меня разобрал смех, и я поторопилась покинуть поверхность экрана.

– Это сейчас что было? – нахмурилась горгулья.

– Клянусь, я даже не вспоминала про него, пока в его спальне не оказалась, – клятвенно заверила я.

– Демонам верить нельзя, демоны лживы и развратны.

– Я в курсе, видела. Давай так, сначала драконов найдем, а уж потом я по экрану продефилирую.

Горгулья кивнула:

– Ищи.

На этот раз мы попали прямо к дракону, как ящерица разлегшемся на скале и греющемуся на солнышке. Картина была та еще. По скале к нему пыталось подползти мертвое воинство, уж не знаю зачем, может умереть хотели, а дракон между делом, чуть прищурив глаза, поджаривал их, выпуская изо рта струи пламени. Или сметал хвостом, сбрасывая самых шустрых со скалы вниз. Лениво, нехотя. Мертвые поджаривались, но не быстро. Еще не сгнившая плоть чернела и обугливалась, но внутри гореть не хотела.

Я глянула на себя в зеркале. Готова. Глаза горят, крылья за спиной раскрыты, тело молодое, гибкое.

Шагнула на экран, проследив за своей копией. Она зависла над скалой, над мертвяками. Дракон как раз плюнул огнем – огонь прошел сквозь меня, не причинив вреда.

– Здравствуйте, разрешите представиться. Мирмира, наследница дома валькирии Брунгильды. Вещаю с горы Одина из Валькирьева дворца. Хочу у вас спросить, как вы летите на звезду, через портал или через пространство. Очень важно. И желательно ответ получить быстро.

Дракон, заметив меня, аж подпрыгнул на скале, испепелив мою копию взглядом. И тоже завис.

– В смысле? Извините, я как-то пропустил сам вопрос. Ваше появление было столь неожиданно... А, да, как летим... Э-э, – он приподнялся на задних лапах, разведя передние, – сложный и неожиданный вопрос. Через портал, наверное, что-то я не помню, чтобы преодолевал большие расстояния. Просто раз, и я там, в зоне активной турбулентности или выше, в поле, где температура самая высокая. Но получалось это, само собой. Я никогда не задумывался над процессом. А сейчас поднимаемся и попадаем в такой холод, который высасывает из нас силы мгновенно, а до звезды, как до Асгарда пешим ходом, – у него скатилась крупная слеза. – Вы спасете нас?

– Ничего обещать не могу, но попробую. Не могли бы вы вспомнить, нечто подобное? Может, кто-то из богов или магов уже закрывал вход в нижний или верхний миры? Знаю, знаю... золото... расплачусь потом.

– Какое золото?! Я ваш покорный слуга! Боженька, – закатил он очи к небу, – ты услышал нас! Валькирии живы, род валькирий продолжается! Повелительница моя... – слезы из глаз дракона хлынули градом, и он как-то по человечьи начал протирать глаза. – Простите, Госпожа...

– Так, оставить панику! Ищем информацию, как убрать завесу.

– Мы ищем, только где ж нам с богами тягаться?! Чем прогневили мы, за что обрекли нас на смерть?! Наслали на нас вот ЭТО! – раздраженно указал он лапами в мертвеца.

– Боюсь, вы тут не при чем, под замес просто пали. Ну, мертвых драконов, равных вам по силе, вроде на планете нет, а с этими вы неплохо справляетесь, – оценила я ситуацию. – Не все так страшно.

– Будет страшно, если хоть один из нас умрет! Мы ж драконы, в драконьей сути питаемся кровью и мясом. Или высокими температурами. Очень высокими, на земле таких нет. Что будет с людьми? А еще эти, голубенькие светлячки, по ночам как мухи липнут, пытаются чешую прокусить. Из-за этого нам приходится в драконьей ипостаси оставаться – в человеческой мы уязвимы. А это нас очень быстро обесточивает. В драконьей ипостаси нам много энергии нужно.

– Призраки, – догадалась я.

– Они самые, – мрачно выдохнул огненным паром дракон.

– Ладно, будем искать выход, – попрощалась я. И посоветовала: – Вы бы не расходовали энергию. Не оставайтесь по одному – кто-то один дежурит, пока все спят. И, возможно, какую-то магическую защиту от призраков ставить.

– Сделаем, – бодро отрапортовал дракон.

Глава 6

– Что и требовалось доказать! – упала я в кресло. – И кто на такое из ваших был способен? Горгулья сидела задумчивая, покачивая головой.

– Если только сама Брунгильда. У нее сила была нечеловеческая. Первая дочь Одина, он одарил ее всем, чем только смог. Ее считали богиней. С другими Один уже не церемонился: когда наперекор шли, то силу заберет, то бессмертия лишит, чтобы одумались. А в последнее время повадился лишать крыльев. От бессмертия-то за любовь они легко отказывались, и сила еще своя есть, сейчас у всех в родне то маги, то вампиры, то оборотни с демонами, а то вообще драконье племя. Эльфы – потомки альвов, магия у них в крови. А вот от крыльев отказаться тяжело. Не понимает старый пень, что даже бессмертные девочки вырастают. У Брунгильды мудрость была великая, знания по крупницам собирала. Библиотеку ее ты видела. Она и трон оставила, чтобы предаться написанию собственных сочинений и исследований. В гости к Перунице собиралась, хотела посвятить себя изучению Ирия. Он недалеко от Асгарда расположен.

– И променяла бессмертие на оборотня. Он хоть любил ее?

– Еще как! Как можно ее не любить? До последней минуты глаза любовью светились, когда смотрел на нее. А когда овдовела, никто уж ей был не нужен. Мечтала возлечь с ним в одной могиле, чтобы души соединились. Король Огниир – альфа-самец, мудрый правитель своего народа. Тогда-то и объединились все расы – и наступил золотой век. Но не дано. Пока не дано. Жизни ей боги больше, чем простой смертной отмеряли.

– Ладно, что там у нас дальше по плану в твоём блокнотике?

– Найти тележку, попробовать протолкнуть ее через завесу.

И мы отправились выполнять очередной пункт.

В секторе садовников тележек было пруд пруди, на любой вкус и цвет. Легонькие, тяжелые, на четырех колесах, на двух, на трех, двухъярусные, ручные, для запряга... Уверена, если бы мы подольше порылись, и летающая нашлась бы. Тут же располагались разные машины, механизмы и приспособления для содержания зеленой зоны.

– Раньше тут все благоухало, цвело и плодоносило. Лучшие садовники, лучшие повара, лучшие портные и ювелиры...

– Ты так грустишь о них, будто это были твои повара и садовники, – я остановила выбор на трехколесной остроносой тачке. Проверила колеса, крепление. Имея огород и не имея мужика, уж в чем – в чем, а в тачках я разбиралась. Колеса не надувные, прорезиненные, с воздушными капельками внутри – от давления не лопнут. Легкая. Частично сделана из металлической сетки. Рама цельная, крепкая, ось приварена, не разболтается. И ручка удобная. Выдвижные бортики. Главное, поместится собранное в дорогу добро и горгулья. Жаль, у нас до таких еще не додумались.

– Я с незапамятных времен жила с этими людьми и нелюдьми бок о бок! Не буду врать, что меня любили и ценили... С моим-то даром... Но победокурить было с кем. Нас, горгулий, целый отряд при дворе служил, внутренние органы безопасности. Вообще, мы ближе к оборотням держимся, у нас много общего. Но Тиор и Мишук – драконы на воротах – мне как братья. Шумно, весело, сплетни, интриги, воздушные гонки, скачки, поединки... – вспомнила горгулья, и глаза у нее увлажнились. – Бывало, сбежать хотелось на край света, за тишиной, за покоем... за приключениями. А отправят на месяц куда-нибудь, к вечеру начинаешь дни считать до возвращения. Сейчас бы жизнь отдала, не задумываясь, даже за недругов.

Горгулья отвернулась, отошла, давая волю своим переживаниям. Я не стала ей мешать. Иногда горю нужен выход.

– А у тебя, есть братья, сестры? – вернулась она, взяв себя в руки.

– Есть. Сестра. Ты ее видела. Она хорошая. Только мы не особенно ладим. Может, останешься? – попробовала я уговорить ее от очевидной глупости. – В нашем мире совсем другие правила, другая жизнь. Зря меняешь шило на мыло. Я ведь даже прокормить тебя не смогу. Тут у тебя манна небесная, а там – каша на куриных суповых наборах. И потом, я ведь не знаю, смогу ли я перетащить нас на ту сторону.

– В твоей памяти я нашла фразу: попытка не пытка, кто не рискует тот вина не пьет.

– Копалась в моей голове?! – нахмурилась я.

– Это отличительная черта моего племени, за это нас и ценят. Я вижу сознание, слышу, могу воззвать к нему – ваша память для меня, как открытая книга.

Перед тем, как отправиться в путь, плотно пообедали. У ворот остановились. Сейчас они были открыты. Горгулья нежно расцеловала обоих каменных драконов, прослезилась, обещая что-нибудь придумать, чтобы вернуть их жизни, даже если для этого придется достать голову Медузы Горгоны и вывернуть ей наизнанку подлые глазюки, чтобы они камень обращали в живое.

Кстати, очень интересная мысль! Гуля Фауновна вряд ли поняла, какую гениальную идею сгенерировала, но я сразу взяла ее себе на заметку. Просто из любопытства захотелось проверить, на что эта лютая голова со змеями способна. Горгулье я потом скажу, а то заставит своими слезами тащиться на Олимп.

Оказывается, пока я спала, горгулья у нас во всю работала...

На мосту стояли в ряд огромные, метров десять в высоту, роботы-подъемники, образуя передними лапами-поддонами эстакаду. На высоту нас подняла она же, управляя огромным роботом, который легко подхватил и поставил тележку и меня на самый верх. Я даже не удивилась, как-то же они строили тут, начиная от крепостных стен, жилищ и дорог. Этот мир контактировал с другими мирами, в том числе с нашим, техногенным, но у них технократичность цивилизации не бросалась в глаза.

Потом горгулья уселась на тележку сверху, принимая форму осьминога. Распределила вес, придавая устойчивости колесам, и окаменела.

И я толкнула тележку вперед.

Я едва поспевала за ней, чтобы не сдерживать ход, а потом она острым носом воткнулась в черную пелену, разрезав ее и затянув меня за собой.

Въехать-то я въехала...

А потом меня и горгулью... вернее, тележку с горгульей придавила тьма и гравитация. Я повисла на ручке, всем телом толкая ее, и не могла сказать, двигаемся мы или стоим на месте.

Зря я на это подвизалась. Ох, зря! Вряд ли горгулья представляла красочно расписанную мной необычную гравитацию, она бы тогда точно не стала загружать тележку книгами, амулетами, золотом. Не поверила, что у нас кто-то от золота откажется. До завесы тележку катила она, а я как-то даже не подумала примериться к весу горгульи или тележки, обманувшись легкостью, с которой она толкала ее перед собой.

Да где эта хваленная валькирьева сила?!

Хотелось бросить все или, на худой конец, ругаться матом, но я упрямо пыталась вызвать в себе те чувства, которые пробуждались под телепатическим давлением горгульи. Вспоминала ощущение полета, мимолетное видение перед зеркалом, образ висевший подо мной в 3D-озере. И надрывала пупок, зарабатывая грыжу, пытаясь протолкнуть тележку вперед. Я ее не видела, ощущение — «хоть глаз выколи», будто на меня вывалили тонны угля. Даже повернуть голову требовалось титаническое усилие.

Достала меня эта полоса препятствия!

Как в тот раз, когда мать на меня поленом замахнулась.

Каждый день била – терпела, а потом раз – и переклинило. И сейчас меня так же захлестнуло. Не могла я горгулью оставить, я обещала. И вообще, не будь этой черной полосы, могла бы здесь проводить выходные. Горгулья сказала: за горой начинается теплое море, очерченное островами, а за ними безбрежный океан.

Всегда мечтала жить на берегу океана.

В общем, взбесила меня эта завеса.

И вдруг я поняла, что вижу тележку, как будто фонариком от телефона подсвечиваю. И руки свои. Тяжесть осталась, но она вдруг перестала сопротивляться. Как будто находишься под толщей воды, хочешь всплыть, а сил нет, и бредешь в сторону берега, проваливаясь в ил и песок.

Не могу сказать по времени, сколько я шла. Долго. Внезапно тележка покатила легко, и я оказалась по другую сторону. Рухнула рядом, как-то разом обессилев и подрастеряв все те чувства, толкавшие меня на подвиг.

И даже не повернула головы, когда горгулья сползла с тележки и пристроилась рядом.

– Я думала, не выберемся... Или бросишь меня.

– Если ты была в себе, почему сама не пошла.

– Даже если я камень, сознание не теряю. Я пробовала вернуться, но не смогла. Ты права, эту завесу, наверное, поставил кто-то из наших.

– Зачем?

– Чтобы заткнуть портал, из которого полезли мертвецы, – повторила она то, что я сама предположила. – Их в аду за последние тысячелетия накопилось столько, что никакие валькирии не смогли бы такой армии противостоять. Души еще долго служат небесным мирам в качестве батареек. Поэтому за живые планеты, где можно расселить людей, между богами всегда шла нешуточная борьба. Я бы выбрала Одина, – призадумалась она. – Он и накормит, и напоит, и девы прислуживают, а после смерти увековечит, закатав в кирпич. В аду для подзарядки просто в огонь бросают. Забрали силу – и снова в огонь, а под конец сожрали. А тебе что больше нравится: вечный сон в кирпичной кладке или смерть в желудке демона?

– В гробу я видела твоих богов! Это ты меня раздраконила?

– Хм, а сама ты смогла бы?

В отличие от горгульи я пришла в себя не сразу. Она попыталась разжечь факел, но он не загорелся, тогда она достала из сумки небольшой магический предмет в виде фонарика, начала осматривать место битвы, узнавая знакомые лица, но и он почти сразу погас – мы остались в темноте. Через несколько секунд глаза у меня засветились, я поняла это по освещенным предметам, на которые я бросала взгляд, и у горгульи включилось какое-то дополнительное зрение, а, возможно, было всегда: в полной темноте она бегала от одного трупа к другому, вскрикивала, пыталась их растормошить, гнусавила себе что-то под нос, поминая всех богов.

Оказывается, во тьме она видела не хуже, чем при свете.

– Бесполезно, я уже пыталась их разбудить, – толкая тележку, я догнала ее.

– Такое ощущение, что их что-то высасывает. Оболочки пустые, души, как те кирпичи, что у Одина в каменных кладках. Я не чувствую пустоту и холод, но и жизни в них нет. Если не поторопимся и не покинем это проклятое место, нас ждет та же участь.

– Я тут каждую ночь просыпалась.

– Скорее всего, у тебя иммунитет. Ты как портал, стоило начать отключаться, и он вытягивал тебя назад. Но я не ты. Если засну, могу не проснуться. Интересно, а если с собой кого-нибудь забрать? Может, там оклемаются?

– Ну... Только давай поближе к portalу, до него еще топать и топать.

– А родителей не хочешь найти? Они ведь тоже где-то здесь, если их не убили. И король с королевой. И Брунгильда. Уж она бы раскрыла секрет...

Я вдруг заметила, что горгулья зевает во весь рот, чуть не вывернув себе челюсть.

– Нет... бегом! – я схватила ее и потащила за собой. – Только попробуй уснуть! Потому что надежды у тебя не будет, я тебя сама придушу, если ты сейчас вперед меня до того камня, где я сюда вышла, не добежишь!

И мы рванули с места в карьер. Впереди горгулья, я с тележкой за нею.

Мы бежали со всех ног.

Надо заметить, ориентировалась она здесь лучше меня, значительно сокращая путь и выбирая твердую дорогу. Очевидно, мой мир пользовался популярностью, потому что к порталу по берегу озера, а потом реки вела хорошо протоптанная дорожка.

Внезапно горгулья свернула круто в гору.

– Может тележку бросим? – я запыхалась, в груди жгло.

– Нельзя, иначе вернуться не сможем. Теперь, когда ты вернулась домой, твоя связь с порталом могла ослабнуть, – горгулья встала рядом, помогая толкать тележку. Я видела, как ей тяжело. От слабости у нее подгибались ноги, глаза собирались в пучок, она трясла головой, борясь со сном и зевотой. – Нам осталось подняться в гору, у леса скала... Амулет, вот этот, у меня на шее, приложишь к выемке, четко представишь место, где хочешь оказаться.

– Терпи! Не спи! – приказала я, толкая и ее, и тележку. – А то окажемся у Граммуля...

Горгулья хихикнула.

Аха, смешить ее надо, догадалась я, это возвращает ее к жизни. И все анекдоты разом вылетели из головы. Один только, про медведя с коноплей. И ежик: «косить, не спать! косить – не спать!»

Решила импровизировать.

– А вот сидим мы с тобой как-то на берегу озера укуренные, ржём, глюки ловим. И вдруг всплывает к нам золотая рыбка и просит: «Сколько вам рыбы дать, чтобы вы больше сюда не приходили?» Ты и спрашиваешь: «А в чем проблема, мы ж рыбу не удим?» «Да в завязке я, – отвечает золотая рыбка. – Когда в последний раз со стариком накумарились, целый город с лица земли стерла, на царице его женила и отправила их доживать в старую избу с разбитым кортом... Сложно косяки исправлять, проще не косячить. Я ж три года старухе доказывала, что они со стариком смолоду живут, а столица ей привиделась...»

Слышь, Гуль, а мы с тобой у золотой рыбки рыбу взяли или косячок ей подсунули?

– Не смешно. Долго думала... Про ежика и медведя с коноплей мне больше понравился.

– А этот? – я представила ежеиков, бегущих по полю и сметающих все на своем пути, где ежик приказывает: всем стоять, пастись, а потом думает – ну чем мы не кони?!

– Смешно. Только делать им что ли больше нечего? – горгулью повело, глаза у нее уже не открывались, обратившись в что-то среднее между камнем и живой плотью. Она ползла за тележкой, прицепившись к ней, а я тащила обеих. А до высокого камня – выступ скалы в виде стелы – оставалось метров сто, но в горку.

– Гуля прости, но так надо! – и я ее пнула.

Надеюсь больно. На несколько секунд ее это взбодрило. Преодолеть стометровку не хватило, пришлось пнуть еще разок. Второй раз она на пинок среагировала слабо.

Наконец, остановились у камня.

Горгулья, в совершенно невменяемом состоянии, начала стягивать с шеи амулет, запутавшись в цепочке. Пришлось снова помочь, порвав цепочку, сунув амулет в ее в руку, схватила тележку и подтянула к себе, сама приложила руку горгульи к явной выемке, о которой она упоминала, и представила свою любимую кровать. И сразу почувствовала, что нас куда-то засасывает.

Лишь бы не промахнуться, помолилась я, пытаюсь представить дом еще отчетливее. И лишь на мгновение в уме проскользнула картина сестринской семейной идиллии, кольнувшая сердечную чакру притупленной завистью.

Нет-нет, домой! В мою прогнившую насквозь халупу!

Глава 7

М-да, умею я собрать на пятую точку неприятности. Мы вывалились на первом этаже дома сестры. Прихожая-гостиная с лестницей на второй этаж, кухня-столовая, ванная и туалет. Одну четвертую занимала холодная кладовая. Здесь, на первом этаже, мне отводилось место в те редкие посещения, когда я бывала проездом. Как правило, в троицу, когда навещала могилу матери и тетки.

Не часто, раза три.

– Это мы где? Уже дома? – радостно похрюкивая, горгулья без церемоний оказалась на кухне и сунула любопытный нос в миску с супом. Как только мы оказались в другом мире, сон с нее слетел мгновенно. – Нет, мы не дома, – проворчала она. – А жаль, вкусно пахнет!..

– Нам выбираться отсюда надо, и срочно! И так, чтобы нас никто не заметил! – испугалась я. Встретиться с сестрой сейчас мне бы не хотелось. Не поймет.

– Мы у твоей сестры, – догадалась горгулья. Или прочитала мои мысли.

– Молчи! Если нас поймают, придется объяснять, почему мы здесь и почему без документов. У тебя их, кстати, вообще нет. А еще тележку перероят и найдут золотишко. Так что, лучше молчи! – проскрипела я зубами. – Иди за мной! И хватит уже в супе мясо вылавливать! Помоги мне тележку поднять!

Горгулья легко подхватила тележку, втаскивая по трем ступеням на мост, где мы с сестрой устраивали посиделки, курили и предавались воспоминаниям, пока не поссоримся из-за какой-нибудь мелочи – здесь тоже ничего не изменилось: два кресла, между ними столик с пепельницей и спичками. Еще две двери – и мы с горгулей в ограде.

У сестры как всегда все благоухает: дорожка выложена плиткой, по обе стороны полосы земли с цветущими розами, лилиями, георгинами и прочей декоративной зеленью, за ними с одной стороны поляна с беседкой, летней кухней и вольер для Туза – дворняга приличных размеров. Заметив нас, Туз опешил, а потом открыл пасть, чтобы залаять. Горгулья прижала ко рту палец и прошептала: тсс! – и он покорно лег, не издав ни звука. С другой стороны дорожки и цветущей полосы располагались грядки с ягодами, морковью, капустой и прочей огородной растительностью, нарядно украшенный закрытый колодец, вдоль забора яблони, слива, вишня, малина, облепиха, крыжовник, смородина, в углу за углом дома две небольшие теплицы, с цветниками между ними и с той и другой стороны. Трава ровно подстрижена, на грядках ни одного сорняка – и когда она все успевает?!

Мы уже стояли у ворот, когда я вдруг услышала окрик.

– Ты?! Ты что тут делаешь?! – оглянулась. Сестра тарасилась то на меня, то на тележку, то на меня, то на тележку. Окаменевшую горгулью она окинула взглядом только раз. Не берусь сказать, какие чувства отразились на ее лице, их там было много – и все не в мою пользу.

– Ой, ты дома? – радостно пропищала я, стараясь изобразить эту самую радость. – А я постучала, нет никого. А где все? – заозиралась я.

– На рыбалке... Что Ты Делаешь? – повторила свой вопрос моя сестрица, глядя на меня из-под сдвинутых сердито бровей, с недоброй подозрительностью. – ТУТ!

– Хотела тебя с внуками поздравить... Ты ж не словом не обмолвилась, случайно узнала, – невинно пожалала я плечами. Ее подозрения меня внезапно начали раздражать. Что я все время виноватой себя чувствую, стараюсь угодить... Подумаешь, в гости в кои-то веки заглянула, сестру денек можно бы и потерпеть.

– Мимо проходила, решила заглянуть. Когда еще случай представится!

– И ничего мы не хотели... – встряла горгулья, ожив. – Случайно оказались, хотели к ней, – раскрытой ладонью указала она на меня, – а вывалились здесь! И воровать мы у тебя ничего не воровали! А еще она думает, что ты от семьи отказалась, от матери, выдумала, будто

тебя удочерили, потому что тварь неблагодарная и вообще умом тронулась, – эти сведения уже предназначались мне.

Сестра отпрыгнула, застыв с перекошенным от ужаса лицом, открыв рот в крике и не выдавив ни звука.

– Не бойся! Не бойся! – выставив перед собой руки в успокаивающем жесте, торопливо проговорила я и с укоризной повернулась к горгулье. – Но я же просила: молчи!

– Да как промолчать, если она думает, что у нас в тележке все самые ценные ее вещи! – возмутилась горгулья, обвиняюще и сердито уставившись на сестру. – Она столько гадостей себе напридумывала, чтобы тебя презирать!

– Это кто? – руки у сестры трясутся, зрачки расширены, но злая – кулачки крепко сжаты, взгляд исподлобья, смотрит на меня.

– Подруга моя, – миролюбиво представила я ей горгулью. – Гуля. Люди со мной не дружат, вот, нашла себе подружку в другом мире. Успокойся, мы уже уходим!

– Стоять! – окриком остановила меня сестрица.

– Мы у тебя ничего не взяли, – я порылась в тележке, показывая ей книги и мешок. – Мы, правда, случайно здесь.

– Рассказывай, куда ты вляпалась! – сестра осмелела, но подойти не осмелилась.

– Гуля, давай! – я мысленно попросила горгулью трансформировать меня в валькирию.

Эффект превзошел все мои ожидания. Сестра отступила, в ужасе округлив глаза еще шире, споткнулась, шлепнулась на пятую точку, превратившись в посеревшее каменное извращение.

– Помнишь, я говорила, что мать призналась, что меня удочерила. Ты не поверила. Это правда. Я из другого мира, и там сейчас такая жопа, что «Обитель зла» отдыхает, – не стала я ее жалеть. – Я туда наведалься, нашла ее. Единственную выжившую. Это, кстати, она меня сюда притащила. Она не обманывала мать, она просто не смогла вернуться. А сейчас нам надо попасть домой. Ко мне домой. Пожалуйста, успокойся и перестань трястись. Мне и без тебя проблем хватает.

Наверное, я вернулась в свое нормальное состояние. Сестра долго молчала, шаря взглядом по земле. Руки подрагивали, но серость с лица спала, она стала смотреть на меня с меньшим страхом.

– А чё не летите? – криво передернулась она, поднимаясь с земли.

– Не могу, я пока только благодаря ей собой из того мира становлюсь, – посочувствовала я себе.

– Ну, тогда вы с ней недалеко уйдете.

– Вот именно. Если ты сейчас не возьмешь себя в руки и не поможешь мне, мы свои дни в какой-нибудь лаборатории закончим. Помоги мне, и я с тобой щедро расплачусь! – клятвенно заверила я, развязывая мешок, нашарив и вытащив на свет драгоценности. Деньги, золото, драгоценные камни: это единственное, что могло меня сейчас примирить с сестрой – было в этой торгашке что-то драконье. Сияние ограненных алмазов, рубинов, топазов брызнуло сквозь пальцы, зажигая в ее глазах алчный огонек.

Чтобы этот огонек не погас, я торопливо ссыпала часть вынутых драгоценностей назад, часть подошла и вложила ей в руку, чтобы она убедилась, что золото настоящее.

Подействовало!

Сестра сразу пришла в себя, мгновенно преобразившись из испуганной мышки в дельца с мертвой хваткой, увидевшего свою выгоду. А еще, мне кажется, и возможно благодаря горгулье, которая порылась в ее мозгах и чуть-чуть там что-то подправила, сестра словно избавилась от камня, который давил ее непомерным грузом – она простила меня. Я поняла это по ее взгляду, а котором не было напряжения и отчуждения – раньше она никогда так на меня не

смотрела. Она просто поверила, что мы разные, и я чужая ей, но все же сестра, с которой она прожила под одной крышей много лет, а не наоборот.

– Есть хочешь? – спросила она у меня. Буднично. Будто не было между нами груза прожитых лет с взаимными обидами.

– Не откажемся.

– Пошли в дом, а то соседи вас увидят.

– Кто увидит-то, у тебя двухметровый забор.

– Ты моих соседей не знаешь, они все видят и слышат, – она закрыла ворота на дополнительную щеколду.

Потом мы пообедали. Я коротко описала, что увидела на планете, откуда мы ввалились к ней в дом. Она приняла это спокойно – ее это не касалось никоим образом. Она даже не стала изображать сочувствие. Потом она долго рылась в мешке с сокровищами, выбирая себе то, что ей понравится, щедро ссудила мне деньги на такси. Достала из кладовки новенькие в упаковке электрический чайник и блендер – очень кстати, у меня техника все время ломалась и перегорала, а у нее этого добра было навалом, поскольку она заведовала отделом бытовой техники. Добавила к этому два комплекта постельного белья. Вот что-то, а шить и вязать сестра умела от бога.

Книги и золотишко переложили в баулы, тачку пришлось оставить. Потом сестра соорудила для горгульи из черного материала какой-то мусульманский балахон.

– Ты где этому научилась? – восхитилась я, увидев горгулью в новом прикиде.

– Работала у мусульманина, он одеждой для своих торговал. Притырила, на всякий случай. Только если ты, – обратилась она к горгулье, – будешь прыгать на четырех конечностях, тебе никакая одежда не поможет.

Странно, горгулья ей, очевидно, понравилась. Она вела себя с ней непринужденно, будто они были знакомы не один год.

– Умею я стоять на двух ногах, но не самая удобная поза, – оправдалась горгулья, выпрямляясь. Горб от крыльев из-под материи выпирал, но у всех есть свои недостатки.

– Все равно не представляю, как вы поедете, водитель умрет по дороге от страха.

– Не умрет, я ему внушу, что я обычный человек, – ничуть не смутилась горгулья. – С одним человеком справлюсь. И вообще, не могла иначе, в твоем сознании я тоже чуть-чуть покопалась, – призналась она сестре. – Чтобы ты от сердечного приступа копыта не откинула.

– Я догадалась, – ответила сестра. – Я тебя сначала за человека приняла. И даже сейчас мне сложно принимать тебя иначе. Я никому не скажу, что вы были здесь, – эти слова она адресовала уже мне. – Моим ни к чему знать, что ты...

– Валькирия, – подсказала я.

– Да хоть кто! Мне не нужны проблемы, у меня их хватает! Я не хочу, чтобы люди в меня пальцами тыкали. Поэтому лучше вообще больше не приезжай. За могилой матери я присмотрю. Привет от тебя передам. Даже на похороны мои не приезжай, не хочу тебя видеть. Пусть недомолвок между нами не будет.

– Ну, жить ты будешь долго и счастливо, – горгулья как будто смотрела в душу сестры.

Меня снова кольнула обида. Сестра была единственным человеком, который был у меня в этом мире, но мы с ней прожили такую разную жизнь. Она успела и дом с мужем построить, и сыновей вырастить, обзавестись кучей родственников и со стороны мужа, и теперь со стороны сыновей и их жен. Но, стиснув зубы, я молчала и слушала. Наверное, это горгулья заставила сестру высказать мне в лицо то, что она всегда думала, но сейчас между нами рвалась последняя нить, за которую я цеплялась, чтобы чувствовать себя в этом мире кому-то нужной. И мне было больно. Больно до слез.

За воротами посигналили. Подъехало такси.

– Посидим перед дорожкой, – предложила сестра, сунув мне в руки пакет с пирожками и сырниками.

– Посидели уже. Сидят, когда есть надежда вернуться, а мне тут не рады, – хмуро ответила я, торопливо подхватывая баул. Остальные два взвалила на себя горгулья. Она уже натянула на голову капюшон, закрыла лицо вуалью из черного шифона, оставив открытыми только глаза.

Наверное, это была моя последняя встреча с сестрой, а мой отъезд походил на бегство. Она стояла в воротах, так похожая на мать, которой я всю жизнь пыталась доказать свою любовь, свою привязанность и нужность, но так и не смогла. И теперь сестра поступала со мной так же. Она отказалась от меня. И потом, в машине, я дала волю слезам, предательски катившимися по щекам.

Горгулья прижала меня к себе и гладила, дав выплакаться вволю. И боль потихоньку уходила, а жестокие слова, сказанные сестрой, размазывались и таяли в сознании, уступая место волшебному чувству свободы. От всех обязательств, от всех привязанностей, от надежд, связанных с этим миром. Если б я не знала, что существует другой мир, это было бы похоже на смирение перед смертью, когда прощаешься с жизнью, ни о чем более не сожалея, но умирать я не собиралась – я собиралась жить, там, где я нужна.

Я вдруг поймала себя на мысли, что тот мир становится для меня более реальным, чем этот.

На полдороге, у придорожного кафе, горгулья попросила водителя купить нам кофе. Заели сырниками. Настроение сразу поднялось. Дальше я объясняла горгулье правила нашего мира – и пока ей нравились все изменения, произошедшие с тех пор, когда она была здесь последний раз. Единственное, что ее не обрадовало и с чем она не могла не согласиться, что все известные ей боги сюда не заглядывали давно. Как будто потеряли планету из поля зрения. Даже ненавистная ей Иштарка облетала этот мир стороной, не проповедуя семейные ценности, и ни один бог войны не участвовал в сражениях, которые без покровителей становились до противного предсказуемыми.

– Тут правит один бог – Капитал, – ворчливо констатировала я.

– Нет, – возразила горгулья, – кто-то здесь правит, но руки бы ему отрубить. В том, чтобы этот мир жил долго, он не заинтересован. Планета умирает, истощаясь ресурсами, умирает все: растения, животные, морская живность. За сто лет вы успели выкачать половину земных недр, и ему на это наплевать. Люди живут и умирают очень быстро, но быстро плодятся, следовательно, кто-то очень голоден и ему требуется много пищи. Ты говорила, что видела души на кладбище – те же призраки, но слабые и безвольные. И куда они деваются потом, когда кости истлевают, и ничто не привязывает их к этому миру? Они просто исчезают. Но это невозможно, сущность человека фактически бессмертна, пока какой-нибудь демон не сожрет ее. Но даже демон не стал бы уничтожать планету, понимая, что она источник его благосостояния. Полагаю, что планету оккупировала какая-то демоническая зверюшка без мозгов. И, возможно, не одна. Но тратить время мы на нее не будем. Если уж боги забили, нам тут точно геройствовать без надобности. Люди привыкли, людям нравится, люди расстроятся, если изменить уклад их жизни.

– Хм, – я была не согласна, но дом был уже близко, и я благоразумно смолчала.

Дом, милый дом! Неприветливый. Не уютный, но все равно родной, потому что там меня всегда ждут мои самые близкие существа, которых я не променяю ни на один дворец в мире. Кот и две собаки.

Глава 8

Так хочется проснуться однажды, а все наше правительство сдохло со всеми депутатами, министрами и президентом. Летели на очередной экономический форум, а самолеты оказались неисправными и попадали. И ни одного выжившего. По телевизору и во всех новостях – лебединое озеро, сюиты и прочая траурная классика.

Даже горгулья, не избалованная имуществом, не сдерживалась в выражениях.

– Опять за бесценок отдали! И какой-то хмырь наварится... в сто раз. В сто!!! – тыкала она в кнопки на калькуляторе.

– Может не он, но кто-то точно наварится, – соглашалась я.

Мы обошли все ломбарды в городе, съездили в соседние города, сами попытались обратиться в пробирную палату, обивали пороги гомологического центра, чтобы получить сертификаты на камни, даже получили лицензию на ювелирную деятельность, чтобы ставить клеймо производителя. Наконец-то пригодились фирма, открытая десять лет назад, так и провалявшаяся нулевками.

Проблема была в том, что клеймо производителя на ювелирных украшениях, прихваченных из валькирьевой сокровищницы, уже стояли, и разные, но в пробирной палате не значились, а с содержанием золота вообще неувязочка вышла: проба была высокая, только со сплавом ни одна лаборатория не смогла разобраться.

И с камушками накладка – ни с одним месторождением не идентифицировались.

Потребовали объяснить их происхождение. Заподозрили, что я раскопала клад и сокрыла от государства. Раза три чуть не припаяли срок, и, если бы не талант горгульи воздействовать на судейские и полицейские мозги, где бы я была, один бог ведает. Да, и еще повадились к нам воры, то чуть хату не сожгут, то яду подсыплют, то дежурят прямо под окнами.

Несколько раз горгулья выносила мужикам чай и кофе, проводила с ними разъяснительные и воспитательные беседы. Два раза напали, ворвавшись с оружием. Один раз всадили в горгулью всю обойму.

И когда она, не потеряв ни капли крови, выплюнула пули...

Ох, она рассвирепела... Думала, придется трупы прятать.

Нет, уползли.

В конце концов, за золото и хренову тучу камней, те что смогли реализовать, за золото, за минусом наших затрат, налогов и прочих платежей в виде пошлин, штрафов и взяток, чтобы не допекала доблестная полиция, по прошествии четырех месяцев, мы выручили около пятнадцати миллионов рублей. Остальное решили припрятать до лучших времен, тем более, многие драгоценности оказывались с сюрпризом – то амулет, то какая-то магическая штучка, то гравировка подарочная на террианском.

Я пожалела, что не прихватили парочку строительных роботов – продать было бы проще и стоили они дороже золота.

В общем, горгулья оказалась деятельной особой: быстро освоилась, вникла в перипетии российской действительности, досконально изучила законодательство, и, мне кажется, пополнила ряды закоренелых атеистов. Она и паспорт себе выправила на второй месяц. Теперь она была Светланой Ивановной Горюшкиной.

Паспорт ей достался от бездомной опустившейся тетки, которую придушили во время пьянки свои же, ее хахаль и собутыльник. Труп съели – одни кости остались. Кости горгулья похоронила по христианскому обычаю, поклявшись дожить ее бесцельно прожитые годы и отомстить за ее невинную кровь. Сказать, что там стало с хахалем и собутыльником тоже не могу, не встревала, не спрашивала и не пыталась остановить. Не хочу, чтобы рядом жили людоеды. И свидетели, которые могли опознать в горгулье самозванку.

С работы пришлось уволиться. Обмен золота на наличные требовал много времени и сил. Кроме того, нашлись занятия поважнее. Горгулья учила меня читать по терриански, писать, пыталась заниматься со мной основами магии, объясняла свойства и назначения заклинаний, пыталась сделать из меня боевую единицу, приучая оставаться в своем новом более молодом и сильном теле. Мне, правда, казалось, что это она учится местным боевым искусствам, отрабатывая на мне приемы. На мне живого места не осталось, вся в кровоподтеках, синяках и ссадинах – стыдно на улицу показаться. Дралась она, как бог – хоть с оружием, хоть без оружия. И убить ее было не так просто, ни пули ее не брали, ни огонь, ни вода. Даже перемолотая в пыль она могла воскреснуть, как птица Феникс. Единственное, чего она боялась, это остаться без глаз. Горгулья без глаз не могла ни прочесть мысли, ни управлять сознанием, без глаз она становилась слепой во всех смыслах. Поэтому она таскала с собой запасные камни, спрятав их в своем теле, а еще понаделала схронов, значительно разорив наш основательно похудевший мешок с золотом.

Сама над собой она поработала конкретно. Форма и походка – хоть и трудно давалась горгулье наука быть человеком, она неплохо справилась. Научилась держать человеческий образ, не превращаясь в зверей, компактно складывать и прятать под одеждой крылья, не выставлять вперед передние руколапы, делать себе маникюр, подрезая когти, чтобы они не бросались в глаза. То есть, не выделяться среди людей.

Хотя не выделяться она не могла. Представьте мусульманку со всеми традициями в одежде в России! Да, она могла манипулировать человеческими сознаниями, но не толпой людей в торговом центре, где она любила бывать.

Она вообще изменилась до неузнаваемости, вживаясь в образ человека.

И охамела вконец.

Раньше в моей избушке места не нашлось для обеденного стола, приходилось обедать за компьютерным столом, а теперь он был завален пудрами, кремами, тушью, помадой, красками, солнцезащитными очками... И шкаф перестал быть моим, там прочно обосновались мусульманские абайи, издали, галабеи, какие-то балахоны, тюбетейки с бусами и косичками, выпи-санные по интернету со всего мира.

Прикрыв меня от пуль грабителей и вытаскивая из тюрьмы, она решила, что я обязана ей жизнью четырежды, а, значит, со мной можно не церемониться. Ее абсолютно не смущало, что мы живем в «избушке на курьих ножках», и уж тем более, что она занимает в этой избушке слишком много места. На мои увещевания, что я тоже тут живу, и как бы хозяйка, она лишь разводила руками и просила потерпеть, типа, начнется весна, достроим дом, места хватит всем, а сейчас у нас небольшие издержки неустроенного быта. И напоминала, если б она послушала меня и не прихватила золотишко, кому-то из нас пришлось бы жить на улице, потому что это не дом, а прогнившая насквозь конура, и что кто-то вообще каждый день с утра тащился бы на работу и канючил зарплату.

– Вообще-то это из-за золота меня чуть не посадили, и грабить пришли тоже из-за золота. И денег не так много, потому что у нас кто-то кашу есть не желает, ему мяса подавай! – возмущалась я, пытаюсь воззвать к ее совести.

Да, деньги таяли с немыслимой скоростью. Одежду, дороже трех тысяч я даже не шупала, проходила мимо, а она купила платье за пятьдесят тысяч! Расшитый золотом, темно-синий балахон-джалабия с хиджабом.

Ей, видите ли, нужно выглядеть.

И она выглядела! В торговом центре и на улице на нее оборачивались, ломая шеи.

– Слышь, может, мы уже пойдем спасать твой мир? – я, честное слово, устала и от нее, и каждый день быть битой, и с магией у меня ничего не получалось. Я даже огненный шар не могла удержать пару секунд, не то чтобы в меч его трансформировать. И с полетами у меня был полный швах. Удержаться, падая с высоты, еще куда не шло, а подняться вверх...

– Пойдем, но позже. Сначала обеспечим тыл. Я тут карту посмотрела, нашла участок в Краснодарском крае, – выдала она с радостной миной, открывая на мониторе спутниковую карту. – Дорого, но нам он нужен, – ткнула она в монитор обрезанным когтем, замаскированным под пораженный грибок ноготь. – То, что к тебе приехала богатая тетя из Турции, сбежавшая от мужа с золотишком, пока работает, но вопросов слишком много. Кроме того, мы должны где-то разместить армию. Здесь, на снегу, следы и последствия тренировок будут слишком заметны, а там зима на пять месяцев короче. И место укромное. Посмотри, с одной стороны горы, с другой лес, река рядом, трасса, газовая труба.

– Какую армию?! – я схватилась за голову.

– Нашу. Я видела у камня придворного главного мага. Я не маг, учитель из меня никакой, – признала она свое поражение. – Нужно его вытащить. А еще, подозреваю, здесь прозябают мои несчастные безглазые сородичи, – крупная слеза скатилась по щеке, и несчастный взгляд, обращенный на меня.

А вот фигурки!

– Еще сбежавшие тети из Турции? И где они будут спать? – не поддавалась я на провокацию.

– Спать они могут и во дворе. Главное, как не вызвать подозрений. Ты посмотри, мы ж тут как на витрине, – раздраженно ткнула она в окно.

Ну да, мой огород просматривался со всех сторон. С одной стороны, соседские дома, с другой – покатый лог и речушка-грязнулька, из которой уже в августе поднимался холодный туман, побивая картошку и кабачки фитофторой, за ней подъем, а дальше еще одна улица с коттеджами, с окнами на мою территорию.

– Поэтому я остаюсь тут, присматривать за хозяйством и подыскивать покупателей, а ты летишь в Краснодар, оформляешь землю. Участок большой. А еще денег должно хватить на дом, – не терпящем возражения тоном приказала она.

– Значит, спасение откладывается, – удовлетворенно констатировала я.

– Тот мир сто лет ждал, думаю, еще пара годочков погоды не сделает. Сначала нужно понять, что с твоим миром не так. Этот мир безусловно хорош, но только боги его почему-то облетают десятой дорогой. Чувствую, здесь нечто похожее, что-то делает людей апатичными и безразличными. В глубокую кому не впадают, но предкоматозное состояние присутствует. И только маг может с этим пожирателем человеческой энергии разобраться. Поймем, кто или что обесточивает души тут, будем иметь представление, с чем столкнемся там. Кроме того, как мы по такому снегу будем строить капище для призыва богов или искать место для установки портала в другие миры? Портал должен работать в обе стороны, иначе мы в мирах заблудимся. Оттуда нам на Терру не попасть, вход в наш мир остался только здесь. И этот вход – ты, через камень-портал на Терре. А если сможем новый установить и к камню привязать, кто-то должен портал охранять, чтобы грибники и ценители камней его не порушили. Участок я уже посмотрела, задаток внесла, теперь твоя очередь – оформить на себя и на меня документы. Доверенность от своего имени я на тебя сделала. Для капища высокое место нужно, и оно у нас будет – рядом с домом, – она снова уткнулась в монитор, разглядывая карту. – И до моря недалеко, – хрюкнула удовлетворенно.

Ну да. С того времени, как мы вернулись, прошла целая вечность. Точнее, четыре месяца. Мы вернулись в августе, а сейчас на дворе стоял конец декабря. Снега намело по самую крышу, а в Крыму лили дожди, наполняя высохшие водохранилища. Значит, и в Краснодарском крае тепло.

– Я смотрю, очеловечилась ты совсем. Непорядок! – я ворчливо вытаскивала дорожную сумку.

Вот именно!

На Терре горгульи числились придомовыми охранными зверюшками, и жили так же. Ютились в пещерах, в беседках, могли на коврик под дверями поспать – кто на что горазд.

Правда, при дворце им платили жалование, чтобы могли сами себя накормить, купить какие-то безделушки, а у оборотней их просто считали зверями. И почему-то все горгульи с этим соглашались. Может, потому, что документы им не выдавали, все они были на одно лицо, и это лицо могло измениться до неузнаваемости в любой момент. Не знаю, и она не знала, просто так было принято, а здесь горгулью понесло. Определенно ей нравилось чувствовать себя человеком.

Я как-то спросила у нее:

– И что, никогда не хотелось сломать стереотип? Заиметь свой угол, с садиком, с удобным лежаком, с маленькими горгульками?

– Хотелось, – ответила она. – Но мы всегда были свободны и независимы.

– Какая же это свобода: спать под забором, прятать имущество, служить за кусок мяса? Это не свобода, это рабство.

– Поэтому все горгульи мечтают попасть на службу. Имея деньги, можно еще свободней стать. Выпить эля, завести друзей, глаз, опять же, прикупить запасной. Это наша ахиллесова пята, – призналась она. – Без глаз мы как слепые котята – не видим, не слышим, не можем собрать силу. Да, иметь свой угол неплохо. Но туда всегда могут прийти воры и украсть глаза. А во дворце у нас была казарма, ее охраняли.

– Ну так завела бы охрану. Скооперировалась бы с кем-нибудь. Зато не одна, было б с кем вечером в картишки перекинуться.

– У меня денег таких не было никогда.

– Для кооперации деньги не нужны, у всех равная доля ответственности.

– А почему ты не кооперировалась?

– У нас не принято.

– А сломать стереотип?

– Ладно, уговорила, один-один, ничья, – согласилась я. – Я не смогу переписать на чужого человека половину имущества. Опытным путем установлено: почти всегда начинается дележка. И второй выигрывает, у него документы – имущество отдано добровольно. А без документов он не будет вкладывать, потому что в любой момент могут выставить его. Замкнутый круг.

Участок, чуть больше восьмидесяти соток, мне и понравился, и не понравился. От Краснодара далеко, море и крупные прибрежные населенные пункты рядом, но за горным массивом. Работа в приморских городишках сезонная, а ездить на работу в Краснодар – на бензине разоришься. Одно утешение, рядом элитные коттеджи, используемые богатенькими чиновниками под дачи. Соответственно, газ, электричество, трасса в двух километрах. Но горгулья уперлась и ни в какую: люди живут – и мы выживем, нам, видите ли, конспирация нужна.

Заклучили договор со строительной фирмой на строительство дома, оплатили проект и семьдесят процентов на материалы. Обещали сдать дом под ключ: с газом, водой, забором и коммуникациями. Всего за три месяца. Какое-то время за строителями бдела горгулья, и, убедившись, что работу свою они знают, вернулась помогать мне.

Мой недостроенный дом, порядком подгнивший, тоже решили перед продажей достроить. Нижние венцы поменяли, нарастили фундамент. Экономить не стали, наняли профессионалов с опытом. За пару месяцев нам постелили потолок, полы, вставили окна и двери, подключили газ, электричество, подвели воду. Сразу после этого дом выставили на продажу, без отделки.

Недорого.

Место хорошее, покупатели поперли косяками. Продали быстро. Первому покупателю, который даже торговаться не стал. Сказал, что его все устраивает, и на следующий день поехали оформлять сделку. Дал нам время собраться, найти машину. Я накопила отводки малины, кры-

жовника, земляники и клубники, чтобы не тратить время и деньги на закупку сортовых видов, забрала всю старую мебель, книги, диски с фильмами, которыми уже никто не пользовался, забрала даже коллекцию камней. Все мое, все родное, все нажито непосильным трудом. Тот же диван и кресла можно собакам поставить, они к ним привыкли. Плиту старую на летней кухне поставить. В старом холодильнике хранить соленья и варенья.

По фотографиям дом в Краснодаре был почти готов, правда не совсем то, что мы заказали. Но с этим решили разобраться на месте. Все это время по телефону нас клятвенно заверяли, что дом почти готов, осталось получить вторую часть оплаты, чтобы завершить отделку. Платить, пока не увидим дом, не рискнули, это были последние наши деньги, частично вырученные за проданный дом и участок.

Да...

– Охренеть! – только и смогла сказать я, глядя на недострой. Зима на носу, а жить негде. И работы нет. Стройка завершилась ровно в том месте, как горгулья оставила ее без присмотра. Высокий забор, фундамент с подвалом, заливаемые дождями, и частично возведенные стены. Фирма внезапно обанкротилась и исчезла из правового поля с нашими деньгами. И спросить оказалось не с кого. Директор, с которым мы заключали договор, оказался мертвым. Его убили во дворе собственного дома. Работы остановили, деньги, естественно, растащили.

Хотя участок, выбранный под сад-огород, был хороший. Ровный, примыкал к реке – я всегда об этом мечтала. Глубокая, широкая, быстрая, чистая. А за рекой сразу горы. Красота неописуемая. На участке много плодовых деревьев.

Собаки после долгой тряски в тесных клетках, одурели от свободы и нового места. В переноске остался только кот. Удерет – ищи его потом, сначала пусть к месту привыкнет. Собак у меня было уже три. При переезде прихватила соседскую. Дом у них был как дача, приезжали раз в неделю. И кормили пса так же. Вечно голодный, вечно на улице под дождем и в снег – в любую погоду. Он давно стал моим. Если б я его оставила, казнила бы себя за предательство.

Мне хотелось плакать.

– Так вот они какие, обманутые дольщики, – гундосила горгулья. Она, по виду, вообще не расстроилась. – И что будем делать? – она заглянула в полуразвалившийся сарай, и в такой же порушенный домик с выбитыми стеклами и отсутствующей дверью. Пол в домишке провалился, печь полуразобрана.

– Не знаю. Ну, может, немного еще сможем золото обналичить. В местных ломбардах мы пока не засветились. Снимать жилье долго не получится, дорого, это курорт, – прикинула я. – Может, сходить в наш мир и принести что-нибудь из сокровищницы? Если гнилушку подлатать, зиму как-нибудь протянем, – я постучала по бревнам, проверяя на прочность. Звук вышел глухой, в руку посыпалась труха. – Работу искать вообще не вариант, курортный сезон почти закончился. Сейчас местные сами без работы. Я ж говорила, зря мы в такую глушь забрались. Будем продавать участок. Если взять то, что у нас осталось, и то, что выручим за участок, можно купить приличный маленький домик поближе к городу.

– Одну не отпущу. Тебе сон тот снится? Нет. Значит, связь амулета с замком или разорвана, или ослабла, или ты начала управлять им. В наш мир мы сейчас можем сунуться только с лекарством от той дряни, которая высасывает силы, а мы пока даже не знаем, от чего лечиться.

– М-да... – больше слов у меня не было, я потеряно смотрела на несостоявшееся счастье просторного уютного гнездышка. Опять придется делить с горгульей старенький раскладной диван. А так все было хорошо нафантазировано: большая кухня с подвалом, где будет храниться вино с личного виноградника, столовая, гостиная, комнаты с гардеробными и отдельным санузлом, терраса, чтобы пить чай, смотреть на звезды и встречать рассвет – даже уже за все заплачено.

– Слышь, – нахмурилась горгулья, – что значит фраза: «с волками жить – по волчьи быть»?

– То и значит, что слабым звеном в нашей стране лучше не родиться. Ну что, будем обживать? – я спустилась в домишко, вытащив гнилые доски. – Сибирских морозов тут не бывает, а минус пятнадцать как-нибудь переживем. До морозов здесь еще месяца два – три. Успеем постелить пол и утеплить стены. Забаррикадируемся в этой землянке. Электричество, слава богу, есть, и печки электрические я привезла. Я ж говорила, все пригодится, а ты «брось, брось...» Спасение Терры придется отложить, – тяжело вздохнула я. – И, скорее всего, надолго.

Можно посидеть, помечтать, что где-то там меня ждет корона, сокровищница и любящий народ, но мечтами сыт не будешь. Суровая реальность расставила все по своим местам. И я не собиралась обольщаться лживыми надеждами. Я должна быть уверена, что пока я ищу для кого-то спасение, дома у меня сытый кот и собаки накормлены. Я рассчитывала, что горгулья притащит свою соотечественницу, или мы сможем вытащить кого-то с Терры, но сейчас мы себе этого позволить не могли. Горгульи были прожорливы, при этом мясо им требовалось качественное – свинина или говядина, от курятины горгулья падала в голодные обмороки. Слава богу, иногда она охотилась, притаскивая то кабанчика, то оленя. Но это там, рядом была тайга, а как обстоит дело здесь, оставалось только надеяться, что здесь зверье тоже водится.

И вытащить главного мага Терры не можем себе позволить – самим жить негде.

– Зря ты так о Сурикаате, – прочитала мои тяжелые мысли горгулья. – Он и не в таких условиях жил. Изнеженные маги главными придворными магами не становятся. Завтра поедешь в город, искать нового подрядчика.

– А на какие шиши будем жить?

– Это не твоя забота. Значит так, если здесь правят волчьи законы, то я могу быть только Альфой, – мрачно, угрожая кому-то, произнесла горгулья. – Переночуешь в сарае. Розетка на столбе, плитку подключишь и поешь себе и этим бандитам приготовишь, – она кивнула на собак. – За ценой не торгуйся, заказывай весь объем работ, но оплата должна быть поэтапная. Никаких денег, пока результат не сдадут. Подпишешь договор, вернешься, будешь ждать меня здесь.

И не успела я моргнуть глазом, как она скинула свои балахоны, вернулась в свой горгулийский образ и взмыла вверх.

– Стой! Куда? Дура! Увидят! – запоздало кинулась я в ее сторону, но ее и след простыл.

Я еще долго таращилась в небо, понимая, что добрая горгулья – это десять вооруженных бандитов, уложенных в ряд. Злую ее я пока не видела, но, похоже, момент настал. Убивать что ли кого-то полетела? Натворит дел, а я расхлебывай. А если заметят? Тут цивилизация, враги близко, небо радарами перекрыто, примут за летящую на Москву ракету и пальнут из хваленного ракетного комплекса С-400 – это не тайга.

Глава 9

Горгулья не вернулась ни на второй день, ни на третий, ни на десятый. Зато через неделю после подписания договора приехали строители со своим вагончиком. Сразу стало шумно и весело. Хозяйка то, хозяйка это, хозяйка где...

По моей просьбе поправили сарайчик – хотя бы дождь перестал на голову лить.

Сразу за ними нагрянули бурильщики. Пробурили скважину, поставили насос для прокачки и укатали. Я расплатилась, с ужасом думая о том, что сказать строителям, когда придет время расплачиваться за остальные этапы работ. На третий день пошла чистая вода, которую хотя бы можно было пить. Бригада работала быстро. Я засыпала – они еще работали, я просыпалась – они уже работали.

Через неделю несущие стены были готовы, дом завели под крышу. Пришла пора платить за первый этап работ, оговоренный в договоре. Я придирчиво осматривала кладку, надеясь найти косяк и потянуть время, замерила все углы уровнем, простучала все кирпичи, в надежде, что хоть один отвалится или сдвинется.

Как бы не так!

Пришлось расплатиться.

На следующий день одна бригада уже укладывала крышу, вторая заливала бетоном полы. Сразу два этапа работ в одно время...

Еще привезли окна, двери, лестницы и пиломатериал.

За это тоже пришлось заплатить.

Я перешла на китайскую лапшу, собак посадила на жидкую кашу, кота на дешевый кошачий корм. Денег осталось только на полы или на крышу – на что-то одно. Про еду не вспоминала, собирала яблоки, виноград, сходила несколько раз за грибами, сделав заготовки на зиму. Благо, банки я тоже все забрала с собой. Я понимала, когда признаюсь, что я банкрот, из меня сделают котлету. И когда строители сказали, что берут выходной, потому что бетон должен застыть, а крышу и полы доделают через два дня, предупредив, чтобы я на стройку не совалась, я как-то даже взбодрилась.

Когда все уехали, перетряхнула мешок с золотишком, отобрала вещицы для ломбарда. С горгулей я уже мысленно попрощалась. Прошел месяц, она так и не вернулась. Заварила Доширак, закуталась в плед, села на скамеечку возле сарая, любуясь закатом. Собаки тыкались мордами в руку, требуя ласки и что-нибудь существенное для желудка, кот прилег рядом, глядя с укоризной.

– Иди рыбу лови, река рядом! – пристыдила я его. – Или мышей.

Я была в полном отчаянии, глотая душившие меня слезы.

Продать яблоки? Но кому? И сколько за них можно выручить? Часть яблок еще висела на яблонях, урожай на них выдался хороший. С одной яблони я собрала семь ведер, а яблонь на участке двадцать штук. Почти полторы тонны. Если продать за двадцать рублей оптом, можно протянуть еще месяц.

И вот за такими мыслями я внезапно услышала, как посигналили за воротами.

Я бросилась их открывать, и внезапно остановилась.

За воротами стоял шикарный джип. Стоил он не меньше двух миллионов. И из него вышла пропавшая горгулья. Сама открыла ворота, въехала на поляну перед домом. Я молча следила за ней, пытаюсь понять, что она натворила. А главное, где она взяла машину за ДВА МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ?!

Я тут копейки считаю, а она шикарует!

Она села за стол, так же молча достала из сумки два контейнера с маринованным мясом.

– Ну-у? – не выдержала я.

– Загляни в машину, вопросы отпадут сами собой. Нет, – остановила она меня, – сначала принеси шампуры, уголь и мангал.

И опять в приказном тоне.

– Теперь можешь заглядывать, – милостиво разрешила она, когда я принесла и то, и другое, и третье. – А ты неплохо так поработала! – крикнула она мне вдогонку, высыпая уголь в мангал на весело занявшиеся огнем щепки.

Вся машина была забита баулами.

Я открыла один из них – сердце бешено заколотилось. Открыла второй, третий, четвертый... Я никогда не видела столько денег – все баулы были забиты денежными банкнотами под завязку. Тут и рубли, и доллары, и евро.

Нет, я не обрадовалась, мне поплохело, тревожно стало.

– Ты что, кого-то убила? Банк ограбила? Откуда ЭТО?! – вопросов у меня было больше, чем вначале.

– Да, ограбила. Но не банк, – спокойно ответила горгулья, переворачивая шампура. – В банке недостачу свалят на кассиров. Я ж не зверь подставлять невинных людей. Господи, ну что тут не понятно? – всплеснула она руками, взглянув на меня с укоризной. – Волки воруют у государства. И воруют много. Прячут у себя в подвалах, на дачах, у родственников. Я умею читать мысли, я могу управлять волчьими мыслями. Я просто взяла то, что у них быть не должно. Я дала им шанс исправиться.

– И кто это был?

– Не знаю, не спрашивала. Зашла в первую попавшуюся областную администрацию, прошла по кабинетам, нашла самую жирную рыбешку, запрограммировала вывезти натыренное в лес, чтобы не дай бог, не досталось обратно государству, а потом, когда рыбка попала в сеть, откопала и вернулась. Правда, ждать, пока раскачается и поверит, что его вычисляют, пришлось долго. Это была знатная охота! Я держала этого коррупционного гения на прицеле две недели, прикинь! С охотой на бедных кабанчиков ни в какое сравнение не идет.

– Ну ты... Ну ты и... – я задохнулась.

Горгулья сдержано хихикала.

– Среди зверей я могу быть только Альфой!

– Хватит тебе! – не выдержала я. – Это... Это неправильно!

В то время, как вся страна голодала, кто-то растаскивал страну, как репу с брошенного колхозного поля. Откуда брались эти люди, из-за которых я полжизни пыталась выжить среди тотального бесправия, беззакония и массового равнодушия? Обидно до слез. И в то же время я понимала, что никакая сила не заставит меня отказаться от этих денег. Им можно, а мне нельзя?!

А ведь могло бы быть все по-другому, без обмана, без лжи, без воровства.

– Сейчас нам эти деньги нужнее, от этого зависит судьба нашего мира. Нашего Мира! – горгулья была тверда, как скала. – Если государство позволяет воровать, значит, государству эти деньги не нужны. В конце концов, я просто восстановила справедливость. Иди ко мне, девочка моя, – она присела рядом, прижала мою голову к груди, погладила волосы. – Я знаю, как много тебе пришлось пережить, я знаю, сколько горя пало на твои плечи, я чувствую твое окаменевшее сердце... Мне жаль, что я не смогла тогда вернуться. У тебя не осталось надежды и веры, ты давно смирилась. Но ты валькирия, ты сама – надежда и вера миллионов твоих подданных. Они в беде, им нужна твоя защита. Я прошу, я умоляю тебя, не поступай с нами, как правители этого мира со своим народом.

– Каменючка, как я тебя люблю! Что бы я без тебя делала? – я расплакалась.

От его мягкого сострадающего голоса, от ее теплоты, слезы хлынули ручьем. Как будто внутри лопнул нарыв и из меня начал вытекать застарелый густой гной, который копился годами, разъедаая душу. Это был уже не сон, и это была уже не я. Завеса пала. Нет, не в моем

мире – в моей душе, в моей памяти. Я вдруг вспомнила лица родителей, склонившихся над моей кроватью. Они были так близко, что сейчас, взрослой рукой, я могла бы дотянуться до них. И горгулью вспомнила, как она сидит у кровати, положив голову на бортик, щекочет мне когтем живот и что-то спрашивает, а я совсем не боюсь.

Ночью, когда мы легли спать, и я думала обо всем, сожалея, почему я еще лет тридцать назад я не вернулась в свой мир. А главное, я поняла, что значит настоящая свобода. У горгульи, не обремененной ничем, она была всегда. Ее боги одарили властью над миром, над умами, и она управляла своей и чужими судьбами играючи. Я даже не сомневалась, что не мне, а ей суждено снять проклятие с моего родного мира, как она сняла его с меня. Ну что ж, если это так, я буду рядом. Нам ведь только найти и разбудить моих родственников: прабабку, бабушку с дедушкой, родителей. Да, в этом мире я одна, и одинока, но в том – наследная принцесса, любимица богов и народа, а уж принцев и принцесс, которые ждут пробуждения от моего поцелуя – тысячи, сотни тысяч, если верить горгулье. И сразу вспомнила Граммуля, черт бы его побрал! А потом вспомнила миролюбивого дракона, сметающего мертвецов.

Интересно, какой он в образе человека? Я даже имени не спросила.

Глава 10

В поисках разгадки, кто или что умеет высасывать из живой плоти жизненную силу, погружая объект в глубокую кому, мы бились уже третий месяц. Облазили все значимые места на Земле, где могла сохраниться информация. Даже побывали в библиотеке Ватикана.

Не я, горгулья. Залезла туда через канализацию.

Первая вылазка в мертвую зону – разведка. Пять минут – и мы, выпитые до дна, едва добрались до портала. Вернее, горгулья. В мертвой зоне я себя чувствовала по-прежнему сносно, но рисковать не решилась. И это несмотря на литры выпитого перед походом крепко кофе и кока-колы. Но за пять минут выяснить удалось достаточно, чтобы во второй раз вернуться не с пустыми руками.

Вокруг портала живых людей, которые могли бы сойти за человека, оказалось немного. Основные силы Терры находились внизу, за полем, у дороги, где зомби пытались прорваться во дворец. Пешим ходом – минут тридцать. Не успеем. Рядом с порталом проклятие застало только главного придворного мага с учениками и сопровождающий их небольшой отряд. Очевидно, маги прикрывали основные силы с возвышенности и попали в окружение. Отряд охраняющих их бойцов оказался почти полностью разбитым, а тех, которые условно могли считаться живыми, чьи раны еще можно было залечить, мы пока решили не трогать.

Горгулья основательно подготовилась, переоборудовав пару комнат под операционную, но ни я, ни она к серьезным операциям не были готовы – теоретики, начитавшаяся медицинских мемуаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.